

Карина Демина

БЕЛАЯ БАШНЯ

Карина Демина
Белая башня
Серия «Я – Миха», книга 4

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69946465

Аннотация

Мир стремительно катится к гибели, что нисколько не мешает людям плести интриги, воевать и всячески портить жизнь себе подобным. А попаданцу Михе всего-то и надо, что провести разношерстную группу неведомой дорогой, отыскать в дебрях башню Древних да отыскать внутри чудо-оружие, способное защитить планету от метеоритного дождя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	62
Глава 6	75
Глава 7	93
Глава 8	108
Глава 9	125
Глава 10	138
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Карина Демина

Белая башня

Глава 1

Миха

Туман пришел с востока. И случилось это, если ощущениям верить, незадолго до рассвета. Правда, как им верить-то? Сперва была ночь.

И зыбкое марево, что горело где-то там, в поднебесье. Причем люди старались делать вид, будто бы не было ничего. Ни небес, которые едва не раскололись, ни марева этого, что переливалось то синью, то зеленью. Ни звезд, которые теперь вспыхивали часто, сгорая в небесном огне.

Миха же то и дело задирает голову, пусть даже рискуя свалиться с коня. Шли, правда, большей частью шагом, особенно когда пришлось с прямой дороги свернуть. Но ему и шага хватит. Одного раза, когда ветка по морде хлестанула, чуть не сверзся. Чудом усидел.

А главное, в лесу неба было почти не видеть. И странным образом, людей это успокоило. Как будто они, спрятавшись в этом вот ельнике, надежно защитили себя от всего жуткого, непонятного, что осталось вовне. Люди повеселели и кто-то из наемников даже песню затянул.

Ну а потом пришел туман.

Знакомый уже.

Белесые клочья его запутались в грязной траве. И запахло болотом, но каким-то неправильным, тухлым. А тумана прибавляло. И вот он уже накрыл горбатые корни деревьев, поднялся к ветвям, спускаясь с них тонкими липкими нитями.

– Что за... – барон нервно дернулся, когда такая вдруг поднялась и потянулась к нему.

– Держитесь ближе! – Карраго привстал на стременах. – Ульграх, ты замыкающим. Я спереди. Силы не тратить. Теснее, суцьи дети! Теснее!

Кони заволновались. И даже тот меланхоличного нрава жеребчик, который достался Михе, затряс головой, захрипел.

– Спешиться! – голос Тени доносился откуда-то сбоку. – Лошади ненадежны...

Миха с облегчением сполз с конской спины. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти? Нет уж, случай явно не тот. А туман потихоньку заполнял окружающий мир.

Конь всхрапнул и дернулся было. А потом попятился, прижав уши к голове. Глаза его бешено вращались, а на губах появилась пена.

– Тише ты, – Михе прикинул, что удержать коня сумеет, но... седельные сумки он тоже снял.

И не только он.

А туман становился гуще.

Плотнее.

– Остановка, – Карраго тоже спешился и крутил головой. – Лошадей стреножить...

Еще бы знать, как это делается.

– Бесплезно, – Тень крутил головой и явно слышал... что?

Миха и сам напрягся. У него же слух отменный, но... ничего. Или все-таки? Ветка хрустнула. Под чьею-то ногой? Шелест там, вверху. Птица? Что-то иное?

Вздок.

И ощущение опасности...

– Отпускаем, – решение Карраго принял сразу. – От них и вправду толку... кто хочет уйти верхами или думает, что так спасется, то...

Желающих не нашлось.

– Уздечкуними, – посоветовал Тень, распутывая тонкие ремешки на конской морде. – И подпругу ослабь. Глядишь, свезет к людям выйти.

Где-то там, в глубинах молочной зыби раздался протяжный вой. Не волчий, нет. Волки не способны выть настолько тоскливо. Так, что вдруг появилась вполне себе устойчивое чувство, что все это зря.

Хождения.

Поиски.

Отправиться... куда? Хрен знает, куда. И не понятно чего ради... мир обречен. Ладно остальные, но ведь Миха пред-

ставляет себе, что такое пояс астероидов.

Метеоритный дождь.

Его мир знал подобные катастрофы, пусть даже в глубокой древности. Но динозавры-то вымерли. И Миха вымрет. Так для чего вот дергаться?

Конь захрипел и дернулся, чтобы подняться на дыбы. И Миха ушел от удара разве что чудом. А жеребчик, упав на все четыре ноги, издал протяжный визг и шарахнулся в сторону.

А потом во мгновение ока исчез.

В тумане.

Тот лишь колыхнулся.

– Огонь, – Карраго хлопнул руками. – Огонь нужен... живой.

Миха осмотрелся. Проклятье... да что с ним? Ощущение, что в кисель угодил. И мысли такие же, медленные, тягучие. Вроде и понимает, что нужно шевелиться, но сил на это нет никаких.

Кони...

Никто не пытался удержать.

Люди...

Наемник, стоявший рядом, опустился на корточки, согнулся как-то... барон озирается, придерживая невесту. Винченцо укладывает сестру рядом. Тень замер, положив руку на клинок. А у ног его – мальчишка.

Пока еще живой.

– Огонь! – голос Карраго вязнет в тумане.

Огонь.

Нужен.

И шевелиться. Руку поднять... чем дальше, тем сложнее. Нет, так не пойдет! И Дикарь затих, словно его нет. Миха же... он и близко не боец. Он так... так, случайно здесь. Невезучий. Вляпался. И сейчас сдохнет.

От тумана.

От того, кто прячется в тумане.

Шаг.

И еще один. И зубы стиснуть. Может, Миха и не боец, но просто взять и сожрать себя не позволит! На него магия действовать не должна. Он разобрался с очарованием Карраго... ладно, почти разобрался.

Это должно быть того же уровня.

Думай.

Если так... ощутить. Можно. Нужно. Или сдохнет... все сдохнут. Тень вон застыл, вперившись взглядом в рыхлую стену. И только ноздри чуть подрагивают. Что-то...

Вот.

Полог.

И присутствие кого-то... или чего-то... главное, как только Миха сумел его определить, дышать стало легче. И он сумел сделать шаг. Потом другой.

Огонь.

На пустом месте огонь не развести. Дерево нужно. Бума-

га... бумаги нет. Деревя вокруг хватает. Мох... сыроват. Но пускай. А вот кора отходила клочьями. Михины когти выламывают её, но щепки впиваются в кожу. Неприятно. Но Миха дерет. Крутит. Ветки трещат.

Ломаются.

Миха кое-как сгребает их.

– Давай... вот так, – Карраго перехватывает, спеша уложить. – Огонь нужен... нужен... сейчас...

Искра рождается меж сомкнутых рук, такая крохотная, такая яркая, что глаз отвести невозможно. А потом переползает на собранную Михай горю. Огонь не желает приживаться, скатывается с влажноватой коры, плавит мхи горьким дымом и робко облизывает ветки. А потом те все-таки вспыхивают.

И снова ярко.

А туман отзывается горестным воем.

– Двигаться можешь? – по лбу Карраго катятся капли пота. – Их надо... ближе подтянуть. Кого сможешь.

– Что за...

– Потом. Эта тварь голодна. Так легко не отступит.

Вой не утихал.

Слева. Справа. Ближе. Много ближе, чем мгновенье тому. И печальней. Это уже не вой, а песня, просто на языке, который Миха забыл. Он знал его некогда, но потом все-таки забыл... и теперь, если прислушается, непременно вспомнит.

Узнает.

Поймет.

Нет.

Отряхнуться. Отступить. Едва не споткнуться о мальчишку. Джер сидит, прижимая к себе императрицу мешеков, и чуть раскачивается. Глаза его широко распахнуты, а по щекам катятся слезы.

Крупные такие.

Миша подхватил обоих, благо, дергаться Джер не стал.

– Вот так, смотри на огонь, – Карраго тотчас сдавил голову мальчишки, развернув к костру. – Тень... найди его. Он быстро отойдет.

Но следующим попался Винченцо.

Миару Миша поднял. А вот магу дал пинка, на который тот, правда, отреагировал вяло, с недоумением.

– Вставай! – рывкнул Миша в самое ухо. – А то сожрут!

И снова, до костра – пара шагов, он рядом, а по ощущениям – вечность преодолеть надо. Но стоило Винченцо увидеть огонь, и он нахмурился.

– Что за...

Тень.

Три шага. Все еще сидит. Оскалился. И стоило Михе прикоснуться, как Тень извернулся. В пальцах его мелькнул клинок.

– Т-ты...

– Огонь, – Миша потрогал порез на коже. – Костер. Тут. Рядом. Надо дойти.

– Я...

– Вставай. Держись за меня. Его я возьму.

Мальчишка. И странно, что жив. Весь покрыт какой-то дрянью, что просачивается сквозь бинты. Но жив. И дышит громко, сипло. А что без сознания, так это хорошо.

– Сам. Пусти, – Тень дергает плечом. – Веди. Извини. Дурит... я... соображу.

Он двигается медленно и как-то рывками, словно перетаскивая себя с одного места на другое. А у огня замирает и выдыхает, долго, тяжело.

Винченцо уже на ногах. Он отступил на три шага и опустился на корточки, чтобы пальцем протянуть по земле линию.

А Карраго подбрасывает в огонь остатки веток. И ведь пламя само по себе не яркое, но его присутствия достаточно, чтобы прийти в себя.

Надо...

Вернуться.

За людьми.

Одного наемника Миха находит в двух шагах от костра. Тот стоит, переступая с ноги на ногу, и на лице его застывает выражение крайней решительности.

Миху он встречает ударом клинка.

Пытается.

Но снова рука его двигается так медленно, что Миха без труда её перехватывает. Вялые пальцы наемника сами раз-

жимаются, и меч падает во мхи.

– Идем, – Миха рывком сдергивает человека. Но тот снова начинает топтаться на месте.

Конечно.

Ему кажется, что он идет. И будет идти. На месте. Пока не упадет от усталости. Или гнета твари, которая подобралась ближе. Теперь Миха чувствовал её куда яснее.

– Закрой глаза, – приказал он наемнику, и тот подчинился. А Миха просто ударил по колену и, поднырнув под покачнувшуюся тушу, взвалил её на плечи.

Два шага.

Огонь.

И тихий мат.

– Не наступи! Я еще не закрепил! – Винченцо тянут свой рисунок, правда, что именно он вывел на земле, не разобрать. Михе и не надо. Он оборачивается.

Туман плотный.

Он подбирается к огню, тянет лапы, но натывается на черту, что вывел Винченцо. И останавливается. Не потому, что не способен пересечь. Просто... останавливается.

А вот второго наемника не видать.

И упырь куда-то подевался вместе со своей тварью. Правда, их не жаль, а наемника... Миха крутил головой, пытаясь сообразить, где тот должен был быть.

– Бесполезно, – Тень дернул шеей. – Веток надо наломать.

Да.

Точно.

Только туман добрался и до деревьев. Они казались такими близкими, но Миха чуял, что, стоит сделать шаг, и он окажется там, за чертой, откуда не выйдет вернуться.

– Нет, – он и Тень удержал. – Что бы там ни было, оно здесь.

А Винченцо замкнул-таки круг, точнее соединил с линией, нарисованной Карраго.

– Дерьмо. Если огонь погаснет, оно нас сожрет, – Тень потряс головой. – До сих пор.

– Там человек...

– Был человек, – Тень сунул палец в ухо. – Мастер, что это за...

– Сам хотел бы знать, – Карраго опустился на колени у костра. – Но оно не любит огня.

Именно.

Не любит.

Не любовь – это еще не страх. А граница...

– И магический тут не поможет. Он мог быть первоисточником, но вот дальше... живой и только живой. К сожалению, сил у меня немного... да и тянет оно. Хватит, чтобы в границу вложиться. И держать. Сколько... сколько – не знаю.

Веток не так много. И коры пару кусков. А ведь времени-то прошло всего-ничего, хотя самому Михе показалось, что вечность минула.

Показалось.

Карраго пытается ограничить костер.

– Этот туман той же природы, что и тогда... – Винченцо медленно передвигается вдоль линии, что-то дорисовывая.

Вот только хватит ли рисунка, чтобы остановить тварь, когда огонь погаснет?

– Когда? – уточнил Карраго.

Он не рисовал.

Стоял, сложив руки на груди, пялясь в белесую муть. А та наполнилась тенями. Они кружили, впрочем, не приближаясь, не позволяя себя рассмотреть.

– Когда мы выехали встречать... господина барона. Тогда мне сказали, что туманы здесь случаются часто. Но тот... был неприятен. Сырая сила. И при осаде тоже повторялось, главное, что сейчас я тоже ощущаю лишь сырую силу. И ничего живого.

– Живым оно быть и не обязано, – Карраго аккуратно положил ветку. – Сколько тот туман держался?

– Не знаю... как-то... час или два.

– По-разному, – подал голос мальчишка. – Иногда они и несколько дней висеть могут. Я слышал.

Несколько дней они не продержаться.

– Будем... верить в лучшее, – как-то не слишком уверенно произнес Карраго.

– А нельзя там помагичить чего? – Миха огляделся.

Туман подобрался к самой границе. Он был настолько плотным, что казалось, мир за чертой вовсе прекратил свое

существование. И главное, в белизне этой виделась неоднородность. Словно белые хлопья снега кружатся в белой же мути. И главное, что реально похолодало.

– Боюсь, нет... – Карраго покачал головой и добавил, словно извиняясь. – Оно и так силы норовит потянуть, а выплеснешь, так и вовсе выпьет до дна.

Вот тебе и сильномогучий маг.

Толку-то от них.

– Огненная стена? Он мне показывал?

– Да, возможно... когда тут найдется кто-то, у кого хватит сил сотворить огненную стену. В нынешних условиях, когда каждую каплю силы выдавливать приходится, – Карраго не скрывал раздражения.

– А... – Миха указал на рисунок. – Оно как?

– В том и дело, что здесь силы как таковой и нет. Ритуалистика и начертательная магия тем и хороша, что сила замкнута внутри контура, и пока контур целостен, она будет его поддерживать. В данном случае имеем пример простейшего защитного круга, элементарные подобию которого используют те же крестьяне для защиты от мелкой нежити.

Местную нежить вряд ли можно было назвать мелкой.

– Дерево заканчивается, – Тень озвучил очевидное.

– Значит, будем жечь не дерево.

– И это весь план? – Миха обернулся. Не отпускало чувство, что там, в тумане, кто-то да прячется. Кто-то такой, которому эти вот линии на земле и не преграда вовсе.

– Можно еще помолиться, – Карраго копался в сумке. –
Говорят, иногда помогает...

Туман отозвался многоголосым хохотом.

Хорошая шутка.

Определенно.

Глава 2

Ирграм

Он ощутил приближение тьмы задолго до того, как первые ключья тумана легли на траву. И поначалу, честно говоря, даже не понял, что изменилось в мире.

То есть, да, изменилось.

Удар, сотрясший небеса, сложно было не принимать во внимание. Как и зарево, что разлилось от края до края горизонта. Это было по-своему красиво. В другой раз Ирграм, может, и полюбовался бы.

Или нет.

Он точно уловил момент, когда люди сошли с дороги, чтобы скрыться под сенью старого леса. И сам вдохнул сырой тяжелый запах его. Заворчал рытвенник и исчез меж ближайших кустов.

Ирграм подумал, что момент подходящий. И пожалуй, не будь на нем клятвы, он и сам бы исчез. Но клятва была. И надеяться, что она позволит ему уйти, не приходилось. А потому он держался чуть в стороне от людей, впрочем, стараясь не выпускать их из виду. Это было несложно.

Шумные.

И лошади. И сами люди.

И пахнут тоже, что те, что другие. А еще слепы и глухи. И тьму не слышат. А она подкралась исподволь, наползла с во-

стока, протянула полупрозрачные лапы, словно примеряясь к добыче чересчур мелкой и верткой. И только после, определившись, что с этой добычей стоит иметь дело, уплотнилась, вытянула в мир яви белесое свое тело.

Ирграм приостановился.

Нет, страха он не испытывал. Да и опасности для себя не ощущал. Скорее уж любопытство. В «Бестиарии» мастера Хальмута рассказывалось о множестве созданий, что магами сотворенными, что возникшими сами собой. Иные были преудивительны, но вот тьма первородная...

Или это все же не она?

А люди остановились.

Ирграм наблюдал за ними с немалым интересом. Оно, конечно, с куда большею охотой он бы помог тьме, но клятвы...

Беззвучно раздвинулись кусты, выпуская рытвенника.

– Глупые, – сказал Ирграм зверю, обнимая того за шею. – Смотри. Что котята слепые...

Где-то в тумане раздалось и стихло лошадиное ржание. Следом донесся слабый запах крови, приведший рытвенника в волнение. Впрочем, кинувшись было в сторону запаха, он все же вернулся и сел рядом.

Ирграм...

Наблюдал.

Карраго додумался развести огонь, причем живой, пусть даже рожденный силой, но дальше-то огонь обрел плоть, что категорически не понравилось тьме. Она зашипела, заворча-

ла голосами тварей, в ней собравшихся. Но люди не услышали.

Люди потянулись к огню.

Не сами.

Но их удалось собрать. Большинство. Одна фигура осталась сидеть чуть в стороне. Человек опустился на корточки, потом на четвереньки и как-то быстро, суетливо пополз куда-то в кусты. И там скрылся.

Вряд ли он проживет долго.

Рытвенник вздохнул.

А вот маги, очнувшись от морока, сноровисто нарисовали замкнутый контур. Слабенький, конечно, Ирграм преодолел бы его с легкостью.

Но это он.

Интересно, почему настолько слабый? Или и сами маги истощены? Карраго выложился, преодолевая границу круга. Винченцо давно уже на грани находится. А еще тьма. Тьма благоволила Ирграму, а вот маги ей были категорически не по вкусу. Она бы их выпила.

И пила.

По крохе сил. Маги должны были бы чувствовать. Может, поэтому и опасались работать в полную силу? Как бы то ни было, туман, сгустившись, подобрался к границе и застыл на ней. Он поднимался выше, бледнея и растворяясь под светом ночного солнца. И настоящее скоро появится. Оно есть, где-то там, вдалеке, за горизонтом. Ирграм чувствовал бли-

зость рассвета, и это заставляло его морщиться. Пусть солнечный свет больше не причинял боли, но все одно он был неприятен.

Туману солнце тоже было не по нраву. А значит, час или другой, но он истает.

Это хорошо?

Или нет?

Ирграм пока не решил.

Он поглядел на людей, что держались рядом, подкармливая костерок, кажется, уже обрывками тряпок... надолго их тоже не хватит.

Ирграм поерзал, устраиваясь поудобнее. И все же пропустил момент, когда туман, просочившись под землю, обнял первого мертвеца.

Заворчал рытвенник, подвигаясь ближе.

А земля меж корней старой сосны зашевелилась, сперва поднимаясь горкой, затем расступаясь, выталкивая из себя того, кто, судя по виду, не один год покоился. Одежда полуистлела, как и плоть. Ошметки кожи облепили желтоватый череп. И тонкие пряди волос, перевитые белесыми лентами тумана, свисали, словно закрывая мертвеца от прочих.

Ирграм подобрался.

А вот это уже серьезно.

Меж тем со слабым шелестом раскрывалась еще одна ямина. И еще... лес был старым, хоженным, и костей в нем собралось изрядно.

Ирграм попятился, когда под ногами зашевелилась земля. А потом, оглядевшись, свистнул рытвеннику.

Люди...

На людей ему плевать, как и на магов. Но вот клятва...

Чтоб вас всех.

Пока Ирграм не найдет способа от клятвы избавиться – а он найдет, безусловно – придется помогать.

Первый мертвец уже стоял на ногах, пусть и слегка покачиваясь. Костистые пальцы его шевелились. Подергивались конечности, оплетенные туманом. словно кукла на белесых ниточках. И кто-то, кто скрывался там, за мертвецами, ниточки дернул.

И мертвец сделал шаг.

Другой.

Ирграм зашипел.

Мертвецы... их много. Сами по себе, вот такие, свежеподнятые, подчиненные чужой воле, они опасны лишь количеством. И тем, что граница не выдержит.

Надо...

Он махнул рукой, и голова покойника полетела в кусты. Правда, самому покойнику это ничуть не повредило, только дернулся в сторону и руку поднял.

Нет, так их можно долго ломать...

– Жри, – велел Ирграм, и рытвенник с готовностью сомкнул челюсти на ноге мертвеца. Хрупкая от времени кость с хрустом переломилась пополам.

Надо иначе.

Надо... к тому, кто во тьме, к тому, кто держит нити. Земля продолжала подрагивать, выплевывая все новые и новые кости, правда, большею частью потемневшие от времени, разрозненные, больше похожие на уродливые ветки. Туман пытался их наполнить, связывал кое-как, наспех, вылепляя кадавров.

Ирграм переступил через кучу, в которой копошились остатки чьих-то рук, пытаясь прикрепиться к гнилой грудной клетке.

Маги...

Пусть и маги поработают. А он пока посмотрит на того, кто затеял это все.

Наемник, чье тело обнаружилось за кустами и изрядно обглоданное – Ирграм узнал его лишь по мятому нагруднику – тоже пытался подняться. Но что-то не выходило. Туман вползал в тело и вытекал сквозь раны, чтобы вновь затечь в раззявленный рот. Наемник хлопал глазами и руки его подергивались. Правая еще сжимала меч, пусть даже мышц на ней почти и не осталось. Рядом на теле устроилась мелкая нежить характерно-уродливого обличья.

Ирграма она встретила низким рыком.

И он рыкнул в ответ. Тварь тотчас скатилась с тела и юркнула в кусты.

Не то.

Ирграму нужен кто-то... кто-то посерьезней. Тот, кто жи-

вет в тумане, кто сам есть туман, кто способен протянуть свою волю сквозь рыхлое облако силы.

И он будет где-то рядом.

Ирграм чуял.

Рядом мелькнула тень. Рытвенник? Нет, что-то иное... кто-то иной. Во тьме прячутся многие. От этих пахло кровью, людской ли, лошадиной, Ирграм не знал.

А вот тварь он нашел довольно быстро.

Она и не пряталась.

Поляна.

Пара ведьминых кругов, из тех, что появляются из-под земли сами собой. Нынешние сложены из темных, словно обугленных камней.

Ирграм остановился на границе.

Нет, препятствия он не ощущал. Скорее интересно было. Как-то встречались ему размышления на тему вот, что камней, что кругов. Мол, природное явление, любопытное, но не более того.

Смысла не имеет.

Силы тоже.

Впрочем, тот, кто писал это, явно ошибся. Сила здесь была. Сила исходила из земли, поднимаясь по камням, которые, как Ирграм теперь видел и чуял, не являлись камнями.

Чем?

Чем-то, что продолжалось вглубь, в землю.

И тянуло из нее тьму. А из нее уже выплетало... туман?

Силу? Ту тварь, что устроилась в центре кругов? Она была велика, пожалуй, больше Ирграма, и занимала все внутреннее пространство. Она явно существовала, пусть даже форма существования ей была непривычной.

Туман?

Нет, уже не туман. Нечто более плотное. Будто пузырь водяной, заключенный в тонкую оболочку, на поверхности которой то и дело появляются белые пятна. И тогда поверхность эта разрывается, выпуская сизую нить тумана.

Одну.

Другую.

Третью.

Нити поднимаются, чтобы уже вверху согнуться под собственной тяжестью и перевалиться за границу всех трех кругов, расплываясь туманом.

Что за...

Ирграм смотрел на тварь. Тварь... видела? Нет, глаз или того, что могло заменить ей глаза, Ирграм не обнаружил. Скорее уж при её появлении вся туша твари пошла мелкой рябью, а белых пятен-оконец открылось больше.

И еще больше.

И этот туман уже не извергался вовне, напротив, те жгуты, которые тварь перекинула наружу, стали собираться один за другим. И туман с ними.

Тварь беспокоилась?

Она стала плотнее. И силы в ней прибавилось. А еще Ир-

грам ощутил... раздражение?

Недовольство?

Недоумение.

Она, кем бы ни была, не встречала пока подобных Ирграмму. Впрочем, то же он мог сказать и о себе. Поверхность твари надулась пузырем. И опала. И сама она начала сжиматься, скатываться уродливым белесым шаром.

– Ты кто? – спросил Ирграм.

Тишина.

...дай...

До него донеслось эхо чужой мысли. И тончайший жгут поднялся из земли, потянулся, требуя:

– Дай, дай, дай...

– Обойдешься, – Ирграм сделал шаг назад.

Над шаром взметнулось с полсотни белесых щупалец, и пара самых толстых скользнули за пределы круга.

– Дай, дай, дай! – теперь эта чужая мысль, усиленная до крайности, стучала в голову, требуя подчиниться.

– Чего тебе дать-то? – Ирграм сделал еще один шаг назад.

Осторожный.

– Дай! – взвыло с трех сторон. А к Ирграмму устремились тонкие плети тумана. Они ползли по земле, стесывая о нее белесые чешуйки.

И прикосновение липкое Ирграм ощутил всей кожей.

– Дай, дай, дай...

Вой подхватили твари там, в тумане, то ли далеко, то ли

близко. Вот спрашивается, надо ему было сюда соваться-то?

Ирграм оскалился и заворчал.

И тварь затряслась, заволновалась. Поверхность её пошла рябью.

– Убирайся, – Ирграм стряхнул очередное щупальце, слишком жидкое, чтобы удержать его, но все же куда более плотное, чем положено тому, что сплетено из тумана.

Одно.

Два.

И тварь окончательно определилась. Туман колыхнулся. И стал... гуще?

Оно втягивала в себя то, что выпустило прежде, стремительно, распахивая белесые пятна-провалы. И туман, наполняя мягкое тело её, придавал ему цвет.

И форму.

Пузырь опал.

Потянулся.

Выпятил короткие конечности, которые несколько мгновений просто шевелились, не способные дотянуться до земли. Но вот прорезались суставы. И острые когти впились-таки в моховую подложку. Тело же стало тоньше.

Легче.

Червееобразней.

Зыбкая поверхность стала молочно-белой. И на ней проступили горизонтальные полосы. Броня? Вероятнее всего. Пластины обрели подвижность, и когда тварь шевельнулась,

свыкаясь с новым телом своим, они коснулись друг друга с тихим мерзковатым шелестом.

Многоножка.

Да, пожалуй, оно стало походить на огромную многоножку.

– Дай... – эхо чужого сознания звучало в голове. А многоножка медленно сворачивалось. И разворачивалась, пока неспешно, неловко, заваливаясь то на один, то на другой бок. Конечности её вязли в земле, и она выдергивала их с раздражением.

Ирграм наблюдал.

И за тем, как обрастает чертами приплюснутая, прикрытая броней, голова. Вот лопнула пленка, прикрывавшая пасть. И остатки её образовали тонкие гибкие щетинки. Вытянулись, загнулись крюками жвала. И зашевелились, захрустели протяжно.

– Дай... – шелест вытеснял прочие мысли.

А многоножка, окончательно осознав себя, скользнула навстречу. И только тогда Ирграм очнулся.

Вот... погань! Явно ментально воздействовала.

Он зарычал.

И шарахнулся, уходя с линии атаки. Тело сама скользнуло на землю. и по земле. Ирграм животом ощутил, что неровность камней, что жесткость корня, выпершего из земли. Как-то ветка впиалась в кожу, но та была слишком плотной, чтобы прорваться.

Он перевернулся на спину, и одним движением вскочил на ноги.

Тварь же, промахнувшись, пыталась собраться.

Все же она была слишком большой. И не особо умной. Она издала тонкий вибрирующий звук, заставивший Ирграма поморщиться. Звук этот отзывался в голове болью.

– Дай! – этот вопль ударил по мозгам. А тварь снова бросилась вперед.

И куда быстрее, чем прежде.

Но все одно, длинная.

Тяжелая.

Неповоротливая. Белое тело ударилось о сосну, и та захрустела. А короткие ноги заскребли по мхам, оставляя на земле глубокие раны.

Так она не отстанет.

И надо...

Ирграм вытащил нож, прихваченный в замке. Подумалось, что стоило бы взять клинок побольше, но он никогда не был воином. А теперь и магом тоже, потому что сила не отзывалась.

Плевать.

Ирграм перекинул нож в правую руку и выпустил когти.

– Дать, значит... дать... – мысль, пришедшая в голову, была не то, чтобы гениальной, скорее уж наоборот, она категорически не нравилась Ирграму, но если что-то твари от него и надо, то именно пластины.

Он стянул с шеи одну.

– Этого хочешь?

Тьме ли не слышать тьму.

Пластина качнулась, и по выдавленным знакам побежали искры... силы? Тьмы? Интересно. Надо бы потом глянуть.

– Дай, – протянула тварь уже медленно. И столько желания было в голосе её, столько надежды, что Ирграм понял – не ошибся.

– Иди сюда...

Пластина качнулась влево.

И вправо.

Тварь качнулась следом. Влево. И вправо. И снова влево. Она подобрала передние конечности и массивное тело поднялось, обнажая живот. Впрочем, и его покрывали тонкие пластины брони.

Что-то подсказывало, что тыкать в нее ножом – занятие бесполезное.

– Сюда... ближе... – Ирграм повесил пластину на ветку ближайшего дерева и осторожно отступил.

На шаг.

И еще на один.

Тварь дернулась было, но из двух объектов выбрала тот, что более интересен. И снова опустилась, почти легла. Двинулась, извиваясь всем телом. Медленно, недоверчиво.

Осторожно.

Брюхо её касалось земли. А ноги утопали во влажной лес-

ной почве почти на треть. И оставляли глубокие дыры. Впрочем, и сами конечности, оказываясь на свободе, плыли, растекались туманом, впрочем, ненадолго.

Следовательно, нынешний вид – лишь форма. И удерживать её твари непросто.

Ирграм перехватил нож.

А существо, оказавшись у самого дерева, засвистело. Нежно так. Правда, свист этот походил на скрежет железа о железо, но все же было в нем что-то этакое. Нечеловеческое.

Вот она коснулась ствола сосны.

Скользнула вдоль, мягко стирая броню о кольчугу коры. И белые капли тумана упали на землю. форма... внешность – лишь форма. Но хватит ли ножа, чтобы пробить её?

Хотя...

Вариантов немного.

Тварь не позволит Ирграму уйти. Точнее, ему-то позволит, а вот пластину не отдаст. Ему же и самому она нужна.

Ирграм двинулся ближе.

Он не отрывая глаз следил за тварью, которая терлась о ствол сосны, словно огромная кошка. И снова расплывалась туманом. А тот выпускал тончайшие стебли, что тянулись вверх, желая коснуться металла. Пластина, подвешенная над тварью, чуть покачивалась, хотя в лесу было тихо. Не то, что ветра, и тени его нет. Но поди ж ты.

Вот белое щупальце коснулось пластины.

И тварь вздохнула, окончательно укладываясь на землю.

второе... третье. Ирграм наблюдал. Щупальца обвивали металл, растекались по нему. И уходили... внутрь?

Одно истаяло.

Второе.

Третье... и десятое... а она продолжала выпускать, пусть даже сама сделалась почти прозрачной. Ирграм посмотрел на нож. И убрал его за пояс. Если все так, как он думает, то надо лишь немного подождать. И Ирграм уселся под кустом.

Он и глаза смежил, впрочем, продолжая следить за отрогдьем тьмы.

То, впрочем, вело себя спокойно, словно не замечая, что её становится меньше... это даже завораживало. Выходит, пластина поглощает энергию? Ирграм подумал и кивнул, соглашаясь, что мысль эта правильная. В конце концов, он сам переливал в нее силу, полученную от умирающих людей.

И чем тварь отлична?

Скорее удивляла её готовность, даже желание отдать свою силу. Или она не понимала, что происходит? Вероятнее всего. Она и разумной-то не была.

– А эта штука опасна, – сказал Ирграм, когда рядом плюхнулся донельзя довольный рытвенник. Еще и кость с собой притащил. Бедренную. И явно пару лет пролежавшую в земле, но еще годную, чтобы почистить о нее зубы. – Видишь?

От твари остался лишь силуэт. Но и то туман продолжал утекать.

Вот любопытно, сможет Ирграм забрать эту энергию се-

бе? И сколько в целом может вместиться в пластину? И не случится ли так, что силы будет больше, нежели она способна поглотить? А если произойдет подобное, то...

Рытвенник, с хрустом разломив, принялся обгрызать сустав.

А Ирграм поднялся.

От твари остались клочки тумана, а вот пластина налилась цветом, темной тяжелой зеленью. И по ней раз за разом пробегали искры силы. Впрочем, стоило прижать её к коже, и сила окутала Ирграма.

Он снова закрыл глаза.

Сделал вдох. И выдох. А затем пошевелил пальцами, разгоняя эту силу по крови. Или что там у него было.

Хорошо.

Кто бы знал, до чего хорошо...

Рытвенник толкнул лобастую башкой в ногу и снова тьякнул.

– Идти? – идти куда-то не хотелось. Наоборот, Ирграм ощущал себя не сытым – пресыщенным. И тело требовало отдыха. Но...

Клятва.

Люди.

И не сожрали ж их, а...

Глава 3

Винченцо

В тот момент, когда земля разошлась, выпуская мертвецов, Винченцо почти поверил, что все, путь его земной закончен.

– Чтоб вас всех... – Карраго добавил пару слов покрепче. А потом рявкнул. – Теснее.

– Это... – Дикарь отступил от границы. – Что за...

А Винченцо подумал, что для существа материального, которым по сути и являлся поднятый мертвец, эта граница – не более чем условность.

Они её и не заметят.

– Поднятые, – Тень перехватил клинок поудобнее. – На самом деле не сказать, чтоб так уж опасны. Безмозглые. Медлительные.

И это верно.

Вот только уничтожить их непросто, а там, в тумане, скрывается кто-то иной, куда хуже мертвецов.

– Голову сноси. Без нее они почти ничего не видят. Хотя... вот как так? Глаз у них нет, мозгов тоже, а все одно видят. И слышат.

– Это фантомная память тела, – Карраго разминал пальцы. – Но проблема в ином. Бежать нам некуда.

Да, стена тумана поднималась со всех сторон, правда, стал

он будто бы пореже. Определенно пореже, иначе бы Винченцо вовсе не разглядел мертвяков. Но все одно бежать некуда. Два шага и туман укроет, заморочит. А что там, в нем, помимо мертвяков?

Что-то есть.

И мертвяков оно использует, как охотник загонщиков. Чувствовать себя дичью было неприятно.

– Надо выйти за границу, – Тень нахмурившись вглядывался в белую взвесь. Фигуры мертвецов виделись в ней нелепыми тенями, чересчур плотными, уродливыми до крайности. – И держаться рядом.

– Можно обвязаться веревкой, – предложил Дикарь. – С одной стороны, конечно, двигаться будет сложнее. С другой...

Веревка удержит.

Не даст уйти туда, в туман.

А мертвецы приближались.

– Нет, – Тень покачал головой. – Чую, эти твари... в общем, просто не отступать.

– Девочка...

– Спит, – барон поднялся. – Я... с вами.

– Сиди уже.

– А смысл? – мальчишка вытащил меч. – С ним я обращаться умею. И если границу прорвут, мы все погибнем. Верно?

Врать ему не стали. Тень лишь кивнул.

– Вот...

И он первым перешагнул через границу. Вот мог бы спросить для начала, можно ли. Оно, конечно, рисунок не нарушен, но в некоторых случаях подобное самовольство может дорого обойтись.

– Рядом держись, – проворчал Дикарь, становясь по правую руку.

Тень ничего не сказал.

– Я, пожалуй, тоже... огонь их берет, – Винченцо поглядел на Карраго, который кивнул. Старик сидел на корточках, подкармливая огонь длинными лоскутами бархата. – Если что... вы о ней позаботитесь?

– Несомненно.

Что ж, Винченцо даже поверит для разнообразия.

Сила отзывалась, а не норовила утечь в белую утробу. И огоньки вспыхнули на ладони, готовые сорваться с руки. Правда, вкладывать в них приходилось куда больше, чем там, в нормальном мире.

– А как они двигаются? – поинтересовался барон. – У них же ж кости одни. Мышц нету. А меня учили, что мышцы нужны.

– В данном случае они есть. Фантомные. Как глаза или уши, – ответил Винченцо.

Любознательный юноша. Но почему бы и нет? Умрут они, выживут, тут еще как получится, все одно сейчас заняться нечем, кроме как вот, беседы беседовать.

– Тело весьма долго хранит память о себе. И это его свойство отлично известно некромантам. Или тем, кто занимается изменениям, скажем, созиданием големов.

– Химер? – уточнил Дикарь.

– И химер. Но в данном случае мертвецы ближе к големам. Сырая сила, разлитая в воздухе, наполняет пространство и то, что в нем находится. Добавим толику воли, своего рода импульс...

Из белесого марева под ноги метнулось что-то, что Винченцо отправил обратно в туман ловким пинком.

Беззвучно скользнул клинок Тени, перерубая пополам мелкую, но донельзя верткую тварь.

– А это... что?

Барон крутанулся, ткнув мечом куда-то в бок, и нежить заверещала.

– Это... – Винченцо пустил волну огня, стараясь, впрочем, не выплескивать слишком много силы. – Судя по всему могильник малый...

– Какой-то он не очень малый, – пропыхтел барон, пытаюсь пинком убрать останки нежити. – Я бы сказал...

– Могильник крупный отличается не только размером...

Вторая волна пламени прошла по пути, проложенному первой, убирая остатки стаи. Впрочем, была та невелика и особой опасности не представляла. Винченцо поморщился. Можно было бы и так, но... круг за спиной.

Миара, которая не способна себя защитить.

Тот мальчишка, невезучий наемник. Надо бы имя спросить. Хотя, какая разница, как его зовут... главное, что он пока жив. Как и мешекская девчонка...

Карраго...

Хотя если его сожрут, Винченцо не сильно расстроится.

– ...он массивней, конечно, размером с небольшого медведя... говорят, что встречаются и с большого, – Винченцо прислушался к себе. Силы еще оставались. Как и мертвецы. Эти подходили медленно, словно нехотя. И движения их были резкими, дергаными. – Могильники мелкие обычно селятся стаями. И стаями же живут...

Характер движений свидетельствовал о нехватке силы. Она была, в воздухе, в тумане, сырая. И то, что подняло мертвецов, её использовало. Но как-то вот...

Нерационально?

Поэтому сила, конечно, находила опору в виде останков, но закрепиться толком не могла. Вот и покойники то и дело останавливались, а некоторые и вовсе рассыпались, чтобы, правда, спустя мгновенье-другое снова собраться.

– Тогда как крупные по натуре одиночки. И внешний вид различается...

– Ты их жечь будешь? – деловито поинтересовался Дикарь, ткнув клинком в сторону мертвецов.

– Нет. Пока – нет. Мертвецы... они неприятны, но сами по себе опасности не представляют.

Барон тихо выругался. Кажется, у него было свое мнение.

Но и плевать.

– Он прав, – Тень перевернул кончиком меча тварь. Все же для обычного могильника та была крупновата. Скорее с собаку величиной, чем с крысу. – Кто знает, что там еще есть.

Именно.

И пламя в ладони дрожит, трепещет, готовое выплеснуться... но сил осталось не так и много. И тратить их сейчас, когда не понятно, что дальше, глупо.

Винченцо не знал, сколько времени прошло. Первый мертвец приближался медленно, то и дело замирая. И всякий раз Винченцо надеялся, что сила, питающая тело, иссякнет, а кости осыплются.

Но нет.

Впрочем, взмах клинка, и голова, отделившись от тела, весело покатила с горочки. Мертвец и вправду покачнулся, а потом все-таки развалился.

– Отлично, – Винченцо почувствовал огромное облегчение. – Стало быть, силовой каркас нестабилен.

– И чего? – Барон хмуро пялился в приближающегося покойника. Тот был невысок и в землю лег не так давно, а потому на костях сохранились остатки плоти, отчего и выглядел мертвец неопрятно.

– А то, что восстанавливаться они не способны.

– Ага...

Барон перекинул меч в левую руку, потом в правду и, сделав быстрый шаг, ткнул куда-то в грудь. Мертвец покачнул-

ся.

Ухнул.

И развалился.

– И вправду... легко, – произнес Джер с явным недоумением. – А выглядят жутко...

– Стоять! – Тень рывкнул раньше, чем мальчишка успел сделать глупость и отступить от границы круга.

– На самом деле... – Винченцо толкнул воздух и с удовлетворением отметил, что и малого колебания силового контура хватило, чтобы нарушить и без того не слишком стабильную структуру. – На самом деле, когда структура стабилизируется...

С тихим шелестом осыпаются кости совсем древние, потемневшие от времени.

– ...она обретает ряд неприятных свойств. В телах возникает подобие псевдожизни, и сами эти тела становятся...

Еще один.

И слева тоже.

– ...куда более устойчивы ко внешним воздействиям. Как жизнь истинная, так и её подобия...

– Ты не устал триндеть? – осведомился Тень, разбивая очередной костяк.

– Нисколько. Это... немного отвлекает.

Дикарь работал молча.

И быстро.

Почти так же быстро, как Тень.

– ...так вот... чем старше нежить, тем сложнее от нее избавиться. И покойник, поднятый лет двадцать тому, доставит куда больше проблем, чем эти вот...

А туман бледнел.

То есть, сперва Винченцо подумал, что кажется ему это. Но нет, он прислушался к силе, которая явно стала более разреженной.

И кажется, там, у сосны, один из мертвецов, упав, так и не поднялся.

– Сила уходит, – он никогда не был излишне суеверен, но сейчас вдруг, сказав, испугался, что ошибся, что та тварь, которая была причиной тому, услышит.

И...

– Хорошо бы, – Тень крутанул клинок. – А то я... чуть запыхался, что ли.

Дикарь тоже проворчал что-то этакое. А Винченцо вдруг решился.

– Назад, – приказал он. – В круг.

А потом поднял руки, выпуская злое пламя. Пусть даже оно не было живым, но... стена белого огня двинулась во все стороны от круга, уничтожая все на своем пути. И прокатившись на сотню шагов, вернулась.

– Впечатляюще, – Дикарь огляделся.

– Глупо. До крайности, – проворчал Карраго. – Вы, помните, еще недавно жаловались на нехватку сил. А теперь вот огненные стены сотворяете.

Винченцо прислушался к себе.

Странно.

А ведь и вправду... нет, он не чувствовал себя полностью восстановившимся, слабость имелась, как и неприятное чувство незавершенности, ненаполненности дара.

Но и только.

А ведь...

Еще пару минут назад ему казалось, что третья волна станет для него последней.

– И это я не говорю уже, что вы, никак по врожденной дури, вполне могли бы вызвать пожар...

– Дождь был.

А про пожар Винченцо как-то и не подумал. Но признаться в этом не хотелось.

– Несомненно... был... и потому нам не придется думать, как преодолеть последствия вашего безумного героизма, граничащего с глупостью, – Карраго был определенно раздражен.

Зато туман определенно поредел.

Стали видны черные обугленные пламенем стволы.

И черная же земля.

Кости... то, что от них осталось. Туша какой-то твари, застывшая на самой границе огненного круга. Небо. Солнце...

Винченцо зажмурился. Кто бы знал, до чего он будет рад увидеть солнце.

И не только он.

Рядом вздохнул барон.

Тень опустился возле сына.

– Живой, – проворчал Карраго. – И да, симптомы болезни сошли на нет, что в некотором роде подтверждает вашу правоту.

– Значит, в замке тоже? Они поправятся? – барон поглядел с надеждой. – Люди?

– Понятия не имею. Но знаю лишь, что в замке мы лишние, молодой человек. Определенно. И возвращаться я бы не советовал.

– Я и не собираюсь, – мальчишка тоже опустился на землю, правда сел прямо и ноги скрестил. А потом закрыл глаза и замер, подставив лицо солнцу. – Здесь так... хорошо.

– Что? – Винченцо показалось, что он ослышался.

– Хорошо. Я понимаю, как это звучит... и в целом все странно. Но здесь действительно хорошо. Спокойно так...

Винченцо оглянулся. Туман уходил, и стало видно сизоватое небо. Воняло паленой плотью, волосом и гнилой водой. Сырой воздух забивал нос и рот.

Мутило.

И глаза чесались.

Мальчишка лег на землю, вытянув руки и ноги. На губах его появилась безумная улыбка.

– Может...

– Не стоит, – Карраго наклонился над ним и провел ладонью. Прислушался. Вздохнул. – Постороннего воздействия

не ощущаю.

Безумие.

– Хотя... – он снова задумался и поглядел на Винченцо.

– Нет, – Винченцо покачал головой. – Даже не... я потом тоже слягу. А нам убраться надо.

– Что не так? – Дикарь сидел на корточках у черты и смотрел в лес.

Все не так.

Категорически.

А ведь до чего план был хорош. Убраться из города. Найти источник мешеков. Поселиться при дворе Императора и там, в тиши и спокойствии, просто жить.

– Не понимаю пока... не хватает... – Карраго шелкнул пальцами. – Это как музыку слушать через пуховое одеяло, при том, что где-то рядом громко храпит сосед...

– Образно, – оценил Дикарь.

– Вот... и пытаться не только слушать, но и находить со-звучие... а оно есть. Определенно, есть.

– И что вы собираетесь делать? – поинтересовался мальчишка, не открывая глаз. Вот руки на груди он сложил.

– Думаю, – Карраго огляделся. – Логичнее всего в нынешних обстоятельствах будет убраться с этой... подпаленной поляны куда подальше. Лучше всего к воде.

...а теперь они не понятно где находятся, то ли бегут куда-то, то ли мир спасают, то ли просто пытаются выжить.

Чудесно.

Но вот к воде, это он прав. Нежить в большинстве своем воду не любит. Да и в старых картах имелась какая-то река.

– Убраться-то надо, согласен. Но вот как? – Дикарь протянул руку и коснулся спящей девочки. Или все-таки не спящей? Как-то чересчур уж этот сон подзатянулся. И в другое время Винченцо всенепременно высказал бы беспокойство.

В другое время.

Сейчас... нет, не все равно. Но почти.

– Я сына не брошу, – Тень прищурился и руку положил на клинок, выразительно так. Причем понимает ведь, что не успеет, что Карраго достаточно пальцами щелкнуть, чтобы не стало ни его, ни его невезучего отпрыска. Но все одно не отступится.

– Можно соорудить носилки...

– На троих? – Винченцо дотянулся до сестры.

– Двоих с половиной.

– Не выход. Лес...

– Погодите, – Карраго размял пальцы, а затем присел рядом с Миарой. Он похлопал её по правой щеке, потом по левой. – Просыпайся, красавица... знаю, ты нас слышишь.

Слышит. В этом Винченцо почти не сомневался.

– Давай же... не заставляй тебя целовать.

Глаза Миары распахнулись.

– Только попробуй!

– Вот... а с этими двумя как-нибудь управимся, – Карраго подал руку, но Миара её проигнорировала. – Главное, к реке

добраться...

– Главное, – проворчал Дикарь. – Понять, где эта самая река.

– Там, – мальчишка, до того лежавший тихо, поднял руку и махнул куда-то в сторону леса. – Тут недалеко...

Глава 4

Верховный

Этой ночью он не спал. Можно было бы, конечно, после сказать, что Верховного мучило недоброе предчувствие, что видел он знаки грядущей беды или же просто получил откровение свыше.

Верно, слух такой пойдет.

Слухи вовсе имеют обыкновение рождаться на пустом месте, а когда происходит нечто подобное, то и вовсе плодятся, что мухи по осени. Правда же была в том, что ему не спалось. Бессонница давно уже стала не проклятьем, нет, скорее уж состоянием донельзя привычным, и Верховный даже научился находить в ней удовольствие.

Тишина.

Покой.

Храм замирает, ибо даже самые распоследние рабы спешат урвать драгоценные минуты сна. И он вновь оказывается наедине с собой. Мысли становятся медленными. Сердце успокаивается. И тело наливается тяжестью, словно дразнит, что вот-вот разум позволит уснуть.

Но затем вдруг сердце ускоряет бег.

А в груди возникает такое знакомое давящее чувство. И воздух в покоях делается тяжелым. Им не выходит дышать, и Верховный сперва садится, а после и встает.

Он выходит тихо, не тревожа сон рабов, которые молоды и устают.

Он проходит мимо их, свернувшихся на циновках, спящих так сладко, что поневоле в душе появляется зависть. Появляется и уходит.

Верховный пьет воду.

Её всегда приносят в высоком кувшине, сдабривая льдом и листьями мяты, а порой еще самую малость – соком. Но он давно уже почти не ощущает вкуса. Да и вода дает лишь недолгое облегчение.

Ему надо наружу.

Наверх.

И Верховный касается стены. В его покоях много сокровитого. И этот путь – один из тех, что сам Верховный отыскал случайно. Давно уже. И пользовался он редко.

Разве что в последнее вот время.

Он взял с собой накидку, запоздало вспомнив, что предосенние ночи уже холодны.

Тайный ход вывел в коридор, пустой, как многие иные, ведь тело храма огромно, а вот жрецов в нем осталось немного. И в этом тоже есть его, Верховного, вина.

Мутило.

Слегка. И не ядом, скорее уж тяжестью вечерней трапезы, которую он заставил себя съесть. А теперь вот мучился.

Лестница.

И снова коридор. Запах пустоты и пыли.

Лестница, пусть и другая.

И воздух. Наконец-то воздух. Легкий. Пахнувший скорой осенью и дождем. Тот моросил, касаясь кожи, и каждое прикосновение обжигало. Но зато снова можно было дышать. И давящая боль в груди поутихла. Верховный стоял, в кои-то веки просто стоял, позволяя себе ни о чем не думать.

Ни об Императрице.

Ни о городе, что был там, под землей.

Ни о Мекатле с его тайнами... у всех есть тайны. И Верховный, кажется, слишком устал, чтобы желать новых.

Ни о золотом боге, куски тела которого заключили в мраморные...

Он не успел додумать. Он не собирался думать, ибо некоторые вещи и в мыслях не стоит произносить. Он просто дышал, когда небеса вдруг воссияли, и тьма отступила, позволив великому огню выплеснуться, пройти волной, затапливая звезды. И следом уже, заглушая все прочие звуки, оглушая, пробирая до самого до сердца, раздался звук.

Тонкий вой.

И плач.

Грохот, который не столько слышен был, сколько ощущался всем телом. И подкосились колени, а ничтожное слабое тело упало в грязь. Верховный и руки-то не выставил, не успел, но распластался на холодной земле, дрожа, как последний из ничтожных. И чувствовал животом ли, ребрами неровность земли, её липкость, холод и острые грани кам-

ней. Чувствовал её дрожь, отзывавшуюся в костях. И готовность вобрать в себя все, будь то вода или вот его, Верховного, человеческий страх.

Земля помогла.

Она дала силы подняться. На четвереньки. На колени. Благо, небо больше не громыхало. На нем медленно догорали остатки звезд. И белесое марево стало красным, кровавым.

Двор же наполнился людьми.

Кто-то кричал. Кто-то плакал... суета.

Сколько она длилась? Верховный не знал. Да и не трогала его эта суета. Он стоял сперва на коленях, потом-таки поднялся, ибо в голове было пусто, и слова молитв тоже стали пустотой. Он кое-как отер грязь, поморщился, поняв, что накидка его упала и пропиталась водой. Он пошел. Медленно. Опасаясь, что сил все-таки не хватит... кажется, рядом кто-то пробежал. Чуть дальше, рухнув на колени, молились. Кто?

Люди.

Так ли важно остальное?

Он шел. Мимо подножия Великой пирамиды, туда, где лежала густая тень её.

И в этой тени скрывалась другая.

Ныне, освещенная небесным огнем, она словно стала не то, чтобы выше, скорее уж аккуратней. И камень слабо светился. Хотя, может, лишь казалось, что он светится. Как бы то ни было, Верховному удалось подойти настолько, чтобы

коснуться этого, неровного, ноздреватого камня кончиками пальцев.

И в левой руке вспыхнула боль. Привычная. Предупреждающая. Он поморщился, но не отступил. Почему-то это казалось важным. Едва ли не важнее всего, что происходило.

Небо?

Никуда не делось.

Как и марево, что набирало цвета. Люди... где-то там, вроде бы рядом, но невыносимо далеко. И пирамида. Забытая. Первая.

Та, в которую дозволено заглядывать немногим. Та, о которой он и сам-то не помнил. И может статься, что забудет, как только уберет руку. И потому Верховный страшился разорвать это прикосновение. Шел. Просто вдоль кромки. Иногда останавливался, чтобы перевести дыхание. Боль в груди и та утихла, но слабость, слабость никуда не делась.

А значит, потихоньку.

Он и дошел-таки до входа.

Те же камни.

И пара уродливых изваяний, то ли звери, то ли люди. Грубые колонны, высотой едва в полтора человеческих роста. И кое-как отесанный камень, на них возлежащий.

Верховный замер.

Это место он видел впервые. И... если войти?

– Не стоит, – сказали ему. И тень отделилась от колонны, за которой скрывалась, превращаясь в человека. Будь Вер-

ховный чуть более суеверен, он бы решил, что видит перед собой не женщину, но зловредного духа, её обличье похитившего.

Но нет.

Ксочитл.

Тихая Ксочитл.

Некрасивая Ксочитл. Ксочитл, стоящая за плечом Императрицы.

Верховный прижал руки к груди и поклонился так низко, как позволила спина.

– Боюсь, я не могу пожелать вам доброй ночи, – сказал он. И голос был хрипл. А еще он ощутил, сколь продрог. И завтра наверняка холод обернется болью в горле, если только ею. – Нынешняя ночь...

– Особая?

На ней все то же простое платье. И пожалуй, человек, с Ксочитл незнакомый, вполне способен перепутать её со служанкой. Особенно теперь, когда промокли и платье, и волосы, и сама-то она гляделась жалкою.

Не только она.

– Особая, – повторил Верховный, соглашаясь. – Небеса дали предупреждение...

– Но его вновь не услышат.

– Вы тут...

– Сопровождаю... её, – она чуть улыбнулась. И лицо её стало мягким, одухотворенным. – Она пожелала войти.

Правда, получилось только сегодня.

Стало быть, не в первый раз они оказываются здесь, в Храмовом дворе? Но Верховный узнает о том лишь сейчас.

– Не сердитесь, – Ксочитл тонко уловила его настроение. И возмущение. – Верно, стоило предупредить, но она не хотела... она все-таки еще дитя.

Дитя, что носит маску из золота.

И дарует жизнь мертвым.

– Как...

– Тот ваш юноша... и на него не сердитесь. Она держала в руках его сердце. Как он мог отказать в маленькой просьбе?

И вправду, как?

– Он тоже...

– Сопровождает. Сегодняшней ночью многое изменилось. Не спрашивайте, я не знаю, что именно. Она так сказала. А я ей верю.

У Ксочитл на руках золотые браслеты. Не тяжелые, изящные, украшенные темными камнями.

На шее – ожерелье.

И вновь же, весьма скромное. Золото теряется, будто собственная невзрачность этой женщины оказывается сильнее.

– Я... признаюсь, давно хотела побеседовать с вами. А тут случай... удобный, – Ксочитл подошла ближе. – Я бы предложила вам свою накидку.

– Не стоит.

– Верно. Она промокла. Да и брат говорит, что женщи-

на не должна подавать виду, когда видит слабость мужчины. Что это мужчину унижает.

– Он весьма...

– Мудр? Отнюдь. Скорее уж уперт. И сейчас доволен. Был. До сегодняшней ночи. Ему казалось, что он одержал славную победу. Заговорщики раскрыты и уничтожены. Виновные понесут наказание. И в Империи воцарятся покой и благоденствие, – Ксочитл говорила это мягко, и в словах её все же мерещилась насмешка.

Над кем?

Над братом ли? Над ним, Верховным? Над всеми глупцами, которые полагали себя умнее богов.

– Но вы ведь не о нем беседовать хотели?

– Нет.

Молчание.

И тянется, тянется... и тьма под камнем, что возлежит на двух колоннах, манит. Она словно зовет войти.

– О той, другой? – Верховному надоели игры.

Или он просто слишком постарел?

Стал острее чувствовать время? То, как уходит оно, и потому стоит ли тратить его на пустое? На лишние слова. На лишние дела. И на лишних же людей.

Ксочитл чуть склонила голову.

И подошла ближе.

От нее пахло не землей, но цветочными маслами и женщиной. Своеобразный, забытый уже аромат. И кружит голо-

ву. И напоминает, что когда-то, невероятно давно, сам Верховный был мужчиной.

Только и вправду давно.

– Не стоит.

Ныне он стар.

И плоть его иссохла, скрылась в складках кожи. Её же изрезали морщины. А ныне вовсе покрывали грязь и вода.

– Она ведь жива, – выдохнула Ксочитл. – Жива и готова вернуться... но надо ли, чтобы она возвращалась?

– Надо.

– Кому?

– Это будет справедливо.

– Неужели? – ее голос ныне сродни змеиному шипению. –

Что есть справедливость?

На этот вопрос у Верховного не было ответа.

– Только-только все стихло... они смирились...

– А те, кто не смирился, умерли?

– Именно. Но их ведь было немного. Их всегда немного, тех, кто горазд громко говорить. Куда больше – молчащих, сомневающих, выжидающих.

– Готовых ударить в спину?

– Да, – она оскалилась.

В женщинах все же есть что-то донельзя животное.

– Ты не думал, старик, что все снова станет... – взмах руки. – Ненадежным? На троне не может быть двух Императриц. И придется выбрать одну. Что будет? Снова война? И

не случится ли так, что эта война станет последней? Небо горит...

Догорает.

– Многие бедствия пришли на земли. А будет их еще больше. Где беды, там и смута... голод, болезни. Ты же хочешь добавить еще и это? Зачем? Тебя терзают сомнения в том, что она... может править?

– Может ли?

– Может, – Ксочитл шагнула еще ближе. И руки её впились в плечи. – Если все сделать правильно, если...

– Ты так хочешь быть у трона?

– Что? – она действительно не поняла. А потом рассмеялась, хрипло так, с присвистом. – Трон? Старик, я была бы счастлива оказаться подальше от этого места... трона... от всех их, которые желают лишь одного – урвать свой кусок и пожирнее. Я бы денно и ночью благодарила богов, если бы нам просто позволили уехать. В мое поместье. Там тихо и спокойно. Там цветут абрикосовые деревья весной. А осенью пруд становится темным. В нем отражается печальное небо. Но даже когда идет дождь, сердце не наполняется болью. Нет. Покоем. И только покоем. Но ведь не позволят, верно?

И такая тоска прозвучала в голосе её, что на долю мгновенья Верховный ощутил жалость. К ней вот, к немолодой этой женщине, которая вовсе не желала зла. А желала лишь того, что всякая иная, обыкновенная женщина. Только Ксо-

читл права.

Не позволят.

Ни уехать сейчас, когда её подопечная так нужна. Ни позже, когда она, быть может, перестанет быть нужна, но вместо того станет опасна.

– Не отпустят... даже если мы богами поклянемся не вмешиваться... даже если действительно не станем ни во что вмешиваться, найдутся те, кто решат за нас.

– К примеру, ваш брат?

– И он. Он... любимец Императрицы. Опора трона. А его старший сын вовсе отмечен высочайшей милостью...

– За которую перервет глотку любому.

– Не за милость, нет. За ту, которую мы любим...

– И чего же ты желаешь?

– Предупредить. Ты... хороший.

Верховный хмыкнул. Уж давно никто не называл его хорошим. Пожалуй, с того самого дня, как он принес первую жертву.

– Ты добр. К ней. Ко мне... к другим людям. Я узнавала. Твои рабы едят досыта.

– Велика заслуга. Слабый и голодный много не наработает.

– Только многие и того не понимают. Ты... ты мог окружить себя роскошью. Золотом. Так делали те, что были до тебя. И те, что рядом с тобой тоже не гнушаются. Хотя и держат себя в рамках, ведь в храме говорят о твоей скром-

ности... ты никогда и никого не наказываешь лишь потому, что у тебя дурное настроение. Ты терпелив. И мудр.

– Женщина, говори уже прямо. Я еще стар. И замерз к тому же.

– Мой брат уверен, что у него хватит сил удержать власть. А еще... мне кажется, что те люди, которых он послал... они отправились вовсе не за тем, чтобы помогать.

Она облизала губы.

– Он, как и ты, говорил с магом. И... и с теми, кто может говорить с магами там, в городе.

– И?

Неприятное известие. Но нельзя сказать, чтобы неожиданное.

– И он желает убить... ту. Другую.

И снова ничего нового.

Этого Верховный не то, чтобы опасался, скорее предполагал.

– И отчего же тебе это не нравится? Ты ведь сама говорила, что двух Императриц быть не может? Верно? И убеждала меня, что наилучший выход позволить остаться одной...

– Да, но... – она поднесла к губам сжатый кулак. – Я не знаю... я лишь женщина. Слабая. Не слишком умная. Но мне не нравится эта мысль. Я понимаю, что так разумно. Правильно. Безопасно для всех... особенно теперь, когда у моей... девочки получилось войти сюда. Но все одно мне не нравится эта мысль. Убить дитя...

Ксочитл покачала головой.

– К тому же... я тоже умею говорить с магом. А еще слушать. Когда ты слабая женщина, тебе не остается ничего, кроме как слушать. Так вот. Твой маг сказал моему брату одну фразу... когда разбивают зеркало, отражение тоже исчезает.

– Образно.

И доходчиво.

Странно, что маг ничего не сказал Верховному. Хотя... видится они стали весьма редко. Дела. И снова дела. Великое множество важных неотложных дел, среди которых не осталось ни времени, ни места для какого-то там мага. И теперь в этом множестве снова виделся чей-то злой умысел.

А вот маг аккурат много времени проводил рядом с Императрицей.

– Ваш брат ему не поверил?

– Мой брат полагает, что место таких, как он – на вершине пирамиды. Но признает, что пока маг нужен и полезен.

– Пока.

– Именно. И маг это чувствует. Он старается и дальше быть нужным, полезным...

Кому?

Той, что все еще была там, внутри пирамиды. И главное, взгляд Верховного то и дело возвращался к черному провалу хода.

Нет ведь ни двери.

Ни замков.

Никакой преграды. Разве так берегут сокровища?

– Чего же вы хотите от меня?

– Не знаю, – Ксочитл накрыла руку рукой. – Может, совета? Вы ведь все-таки мудры... и вы не ищете корысти. Власти. Славы. Вы желаете покоя, для себя, для Империи... а потому в определенный момент вы тоже станете неудобны.

Верховный задрал голову. Зарево еще не погасло.

– Вы ведь хотите оставить её в живых, так? Запереть где-нибудь... одурманить, возможно. Или нет? Дурман вредит здоровью, а они ведь связаны. Зеркало и его Отражение. Насколько? Не знаю. И вы не знаете. И сам маг не знает. Поэтому и сомневаетсяся.

А вот у грозного Владыки Копий сомнений не будет.

И что делать?

Ничего. Воины покинули город давно. И должны бы приблизиться к границе Империи. Догнать их? Отправить гонца? С приказом? Предупреждением?

Доедет ли гонец?

И будет ли услышан?

– А она? – Верховный заглянул в глаза Ксочитл. – Она ведь тоже знает, верно? Та её часть, которая... не совсем дитя?

И понял, что прав.

По глазам. По страху в них. Да, выходит, что и она боится? Не девочки, нет. Того, кто стоит за этой девочкой.

– Что она говорит?

Ксочитл отступила.

И еще на шаг.

Прижала палец к губам. И головой покачала. Не может?

Дитя любит её, но...

Странно.

Впрочем, не более странно, чем горящее небо или вот томительное желание заглянуть в густую тень. В ту самую, которую охраняли каменные звери. И звери не сводили с Верховного каменных глаз. Скалились они. И будто насмехались.

Дразнили.

Рискнешь ли? Заглянешь ли в предвечную тьму?

Ту, что закрыта для всех, кроме...

...тех, в чьих жилах течет благословенная кровь?

Он сделал шаг.

И за спиной раздалось змеиное шипение. Но так же быстро смолкло.

Кровь.

Кровь есть основа основ.

Тьма расступилась, готовая принять самоуверенного человека в объятия свои. Как приняла незадолго до того еще людей. Приняла и поглотила.

Вернет ли?

Рука заныла. И Верховный поднял её. И не удивился, увидев, что кожа вновь стала золотом. Только теперь то сия-

ло солнечным светом. Единственным, что могло разогнать
тьму.

Глава 5

Миха

Припекало полуденное солнце. И Миха потел. Пот стекал по лицу и шее, собирался ручейками, пробирался под рубашку. Но пот ладно. К мокрой коже прилипала пыль и грязь, слипаясь плотным панцирем. Но мухам он помехой не был. Стаи их кружились над головой, то и дело норовя присесть, вцепиться в кожу. И барон то и дело дергал головой.

И шипел.

Ругался.

Но шел.

Первым ступал Тень, взваливший на плечо мальчишку. У Михи были подозрения, что здоровья это парнишке не прибавит.

Да и не только ему.

Миара брела, повиснув на Винченцо, но хотя бы сама переставляла ноги. А вот Ицу пришлось нести. И ладно, весу в ней почти не было.

– Твою ж... – барон шлепнул рукой по шее. – Есть у вас заклятье против комаров... и мух... и жары... и лучше бы, чтоб как в сказке, раз и мы на месте.

– Я бы тоже не отказался, – просипел Карраго, останавливаясь.

По дороге он где-то добыл кривоватую палку, на которую

и опирался. Вид, к слову, у великого мага был так себе. Глубоко немагический. Скорее уж у Михи начинали закрадываться подозрения, что еще немного, и нести придется в том числе и великого.

– Тут... уже ничего осталось, – барон тоже перевел дыхание и поглядел на Миху виновато. – Если прямо...

И вправду недалеко.

По прямой.

Правда, на этой прямой забыли пару оврагов с отвесными склонами да заросли какого-то на диво колючего кустарника. Их пришлось обходить, и Михе даже начало казаться, что эти треклятые заросли будут тянуться вечно.

Но вот лес вдруг расступился. Причем как-то так резко, что Миха с трудом удержался от шага вниз.

Обрыв.

Нет, ну с их-то счастьем... река имелась. Внизу. А еще склон, снова же поросший уже знакомым кустарником, из которого то тут, то там поднимались сухие хлысты деревьев.

– Все, – Карраго рухнул на задницу. – Староват я стал...

И руку прижал к груди, замолчал, слушая сердце.

– Ну извините, я к реке обещался. И привел, – барон поглядел на упомянутую реку и поморщился. – Она же ж вот. Рядышком.

Рядышком.

Всего-то надо, что спуститься. Можно даже кувырком. Миха вот, пожалуй, смог бы. Да, шкуру бы подрало и креп-

ко, но заживает на нем быстро.

– Не советую, – Миара опустилась на землю аккуратно. – Ледория. На редкость своеобразная зараза... обычно произрастает в местах, где имел место выброс тьмы. Её и поглощает.

А выглядит, как обыкновенный шиповник. Разве что си-
зые колючки великоваты. А листочки сморщенные да в на-
лете.

– Раны оставляет глубокие. И нарушает тонкие энергетиче-
ские связи. Так что... – она закрыла глаза и сделала вдох,
успокаиваясь. – Для всех... даже для нежити... универсаль-
ное средство... пытались выращивать.

Миха молча протянул флягу с водой, которую магичка
приняла.

Тень аккуратно устроил сына на моховой подстилке.
Мальчишка, к слову, очнулся, правда, вряд ли ясно понимал,
что происходит. Уж больно затуманенным был взгляд.

А еще он чудовищно похудел за прошедшие дни.

И Миара потянулась к пациенту.

– Сиди уже, – рявкнул Карраго. – Без тебя разберусь.

– Я...

Она руку убрала и горделиво выпрямилась, устремив
взгляд куда-то на другой берег. Миха тоже поглядел, но тол-
ком ничего не увидел. Тоже лес зеленеет.

– Надо искать спуск, – предложил он.

– Надо сперва разобраться, где мы находимся и в какую

вообще сторону двигаться, – Тень наблюдал за тем, как Карраго водит руками над его сыном.

И внимательно так.

Настороженно.

Определенно не доверяя до конца, но при этом очевидно отдавая себе отчет, что иных вариантов у него просто-напросто нет.

– Туда, – Джер без всяких сомнений указал на другой берег. – Нам туда. Ну... меня туда тянет. Во всяком случае.

И шею почесал.

Комары его искушали знатно, и рожа барона утратила всякую претензию на аристократизм.

– Такое вот чувство, что... в общем, надо.

Переспрашивать мальчишку не стали.

– Тогда стоит передохнуть. И да, на ночевку я бы предпочел устроиться у воды, – Карраго помахал руками. – Тем более, если на той стороне тоже заросли...

Миха поскребся.

И переглянулся с Тенью. Кто-то один должен остаться. Маги явно вымотаны, Миара вон, утративши остатки гордости, просто легла и свернулась клубочком, глаза даже прикрыла. Винченцо просто дышит, широко открыв рот, и кожа его сера то ли от пыли, то ли от усталости. Карраго кажется почти бодрым, но Миха нутром чувствует, что тот куда слабее, чем представлялось. Джер, конечно, с мечом, но он все-таки ребенок. И много ли сдюжит?

– Я пойду, – решился Миха. – Ты... огонь тут сообрази. Поеть может. Да и просто...

Не признаваться же, что Миха понятия не имеет, что там нужно делать. А вот проход вниз он как-нибудь отыщет.

Тропинку там.

Или еще чего.

Или протопчет на худой конец. Меч у него снова же имеется. Можно сперва мечом ветки порубить, а потом... в общем, вариантов множество. Главное, найти место, где берег не такой крутой.

– Туда иди, – Тень махнул рукой. – Хотя... хрен его знает.

Останавливать и отговаривать, убеждая, что сейчас все отдохнут и двинутся дружною толпой на поиски спуска, его не стали.

Жарко.

Все-таки очень жарко. И чувство такое, что жар этот изнутри жжет. Главное, что там, в замке, Миха так от жары не маялся. А тут тело словно плавится. И вода помогает слабо. Впрочем, воду Миха бережет, что-то подсказывает, что еще пригодится.

Берег вытянулся ровной струной. И это само по себе подозрительно донельзя. Не бывает настолько ровных берегов, чтобы прямо по линейке вычерченный. И кустарник этот. Местами он поднимался, выбрасывая из обрыва изломанные плети, впиваясь шипами во влажную мокрую землю. Местами, наоборот, сползал почти до самой воды. Вот только бе-

рег продолжал оставаться крутым, отвесным.

И сколько идти?

Тысяча шагов? Две? Десять?

А есть ли смысл в другую сторону глянуть? Или все-таки надо еще углубиться? Главное, чтобы опять туман не случился, а то ведь уйти легко.

Вернуться же...

Шорох в кустах услышал Дикарь. Он же заставил Мишу обернуться, впрочем, как-то лениво, словно заранее признав, что за шорохом этим опасности нет.

Миша принюхался.

И...

– Выходи, упырь, – сказал он почти ласково, правда, все одно подобрался. Кто этого, клыкастого, знает-то?

– Ирграм, – упырь выбрался бочком. Стал он словно бы еще ниже. И кожа посерела, правда, неровно как-то, пятнами. – Меня зовут Ирграм.

– Можешь называть меня Михой, – Миша не сводил с упыря взгляда.

– Приятно познакомиться...

Он и поклон изобразил.

А из соседнего куста выбралась его тварюга, которая вот устала на Мишу без малейшей приязни. Более того виде-лась в красных глазах её готовность слегка расширить собственный рацион.

– Заблудились? – осведомился упырь пресветским тоном.

– Скорее пребываем в некоторой растерянности. Возникло вот желание...

Интересно, где он шлялся, когда остальные с мертвяками воевали? Хотя... не Михе вопросы задавать. Да и не ответят ему.

– ...перебраться. А берега вот высокие. Какие-то однообразно высокие.

– Позвольте? – упырь приблизился бочком к краю и высунул голову. – Прелюбопытно... в самом деле весьма любопытно.

И пальцем землю ковырнул.

Потом вообще в нее руку запустил. Когтистую. И когти были такими, что куда там обычной зверюге. Вытянул руку. Принюхался. К рукам. К земле, которую растер между пальцами.

Стряхнул.

– Что ж... полагаю, что внешний вид сего сооружения наводит на определенные мысли.

Кого?

– Природа, несомненно, велика и удивительна, но вот такой... как вы выразились, однообразный рельеф ей не свойственен. Да и кустарники... да... кустарники...

– Те, что опасны и для живых, и для не очень?

– Именно. К слову, веточка такого стоит три золотых.

То есть тут, внизу, потенциально состояние растет.

В теории.

– Именно ввиду специфичности свойств. Дестабилизирует она структуры, в которых есть хоть капля силы. А поскольку эта капля есть и в живом, и в неживом... – упырь развел руками.

– Понятно.

Понятно, что переться напролом – не самая удачная идея.

– На самом деле несколько подобных объектов описаны в литературе, – Ирграм отошел от края. – Как пример древней архитектуры... так называемые кольца Красса. Или же кольца Древних.

Чтоб их...

Миха этих Древних уже ненавидеть начинает.

– Если вы соблаговолите вернуться к остальным и сообщить им эту удивительную новость...

Он явно издевался.

Или чувство юмора у человека такое?

– ...то в свою очередь вам расскажут о них подробнее. Полагаю, что благородный Карраго знает куда больше моего. Он ведь жив?

– Жив, – не обрадовал Миха упыря. – Живее многих.

– Жаль. Очень жаль...

Рука Ирграма легла на хребет зверя.

– Но в любом случае, в одиночку этот ров преодолеть не выйдет.

– Так может вы... Заодно уж мнениями обменяетесь. Ценными. Консилиум устроим... это, мозговой штурм?

Ирграм засмеялся.

Смех у него был хриплым, повизгивающим.

На высоком берегу нашлось место для костра. Тень выкопал ямку в земле, выложил её чем-то и на самом дне развел огонь. Тот казался махоньким, но вода в темном котелке кипела. Да и пахло съестным так, что у Михи в животе заворчал.

– Там везде, как здесь, – сказал он на вопросительный взгляд. – А еще я вот его нашел. Утверждает, что этот ров Древние выкопали.

– Не выкопали, – уточнил Ирграм, уставившись на пламя. – Не выкопали, но построили. Это будет правильной с точки зрения терминологии.

– Кольца Кросса! – Карраго хлопнул себя по голове. – Ну конечно! Как я это сразу...

Он вскочил и весьма бодро для того, кто еще недавно лежал на траве, не подавая признаков жизни. Поднялся и Винченцо.

– Ненавижу Древних, – Миара не шелохнулась. – Кольца... что за кольца?

– Вопиющая необразованность! Вот, что бывает, когда человек, достигнув каких-то небольших успехов в своем деле, решает на том остановиться.

– Ненавижу Карраго...

– А еще застывает в старых обидах, что напрочь деструк-

тивно.

Карраго зачерпнул горсть земли, которую понюхал, лизнул и растер в пальцах. Потом растопырив руку, поднял её над головой, позволяя земле просыпаться.

И снова понюхал.

Потрогал.

Протянул Винченцо.

И тот повторил действия, которые наверняка что-то да значили.

– Вид... совершенно иной облик... поэтому и не увидели сразу.

– Поясните? – поинтересовался Миха.

– Кольца Кросса – сооружение Древних, – Миара повернулась к ним спиной.

– Это я уже понял.

– Есть башни. Есть города... и в них хотя бы какой-никакой смысл имеется. А есть кольца. По сути – глубокие овраги, выложенные металлом. Тем же, из которых сделаны башни древних.

– Не тем. Сходным, но не тем. У него изменена структура. Он куда более плотен, нежели обычный их металл. И прочен. И гибок. Он не подвержен воздействию холода и жара...

– Где-то я что-то этакое уже слышал.

Металла Миха, сколько ни всматривался, не видел. Земля. Кусты. Деревья даже. Нет, конечно, можно было предположить, что где-то там, в глубинах, и металл имеется.

Но какого...

– Именно! – не понятно чему обрадовался Карраго. – Мне кажется, что этот материал имеет много общего с тем, из которого были сделаны книги или их подобие. Нет, я осознаю, что утверждать это с полной убежденностью нельзя, однако...

– Солнце за полдень перевалило, – Тень был далек от научных изысканий. Он сидел рядом с сыном и, приподняв того, пытался напоить. – Здесь и днем вот... туман. А ночью как? Решать надобно.

– О беспокоиться не стоит, – Карраго лег на живот и вытянул руки, то ли пытаясь дотянуться до чего-то, Михе не видимого, то ли прощупывая эту вот землю магическим способом. – Ни одна тварь не рискнет сюда приблизиться... так вот, впервые о кольцах заговорили еще лет триста тому, когда в горах Аркона случился оползень. Они там довольно часты, но этот был особенно серьезным да и сочетался с выбросами вулканической пыли, что в свою очередь позволяет говорить о возможном подземном извержении. Как бы то ни было, часть скального хребта раскололась и на месте раскола появились эти вот сооружения. Я там был.

– И как?

– Впечатляет. Представьте себе ров, глубиной в двадцать человеческих ростов...

Это метров тридцать пять? Если навскидку.

– И такой же ширины. С абсолютно гладкими стенками,

с которых сошла скальная порода, при том не оставив и царапины.

Местная сходить не спешила.

Миха даже подошел поближе, чтобы уж точно.

– В поперечнике самое большое кольцо имеет несколько лиг. Внутри него находится второе, которое чуть приподнято относительно первого, ну а в нем – еще одно. В Арконе их семь. Одно время они стали весьма... популярны. Возникла теория, что с помощью этих колец Древние собирали силу, что разлита в воздухе, и её концентрировали. Стали проводить опыты... искать другие.

– Успешно, – Тень погладил сына по волосам.

– Конечно... всего известно о шести подобных... артефактах. Да. Два частично затоплены. Еще три погребены под обвалами. Их начали раскапывать, но после бросили, потому что оказалось, что никакую энергию кольца не собирают. Хотя да, несомненно, обладают рядом прелюбопытных свойств.

Карраго отряхнул руки.

– Нежить избегает колец. Причем даже создания, сотворенные искусственно, а потому подчиненные воле создателя, весьма неохотно приближаются к ним. Известны даже случаи, когда големы предпочитали разрушение выполнению приказа... так что уверяю вас, здесь вполне безопасно.

Хотелось бы верить, но...

Миха молча указал на Ирграма, который устроился под

кустом, обняв своего зверя. Испуганным и уж тем более пребывающим в панике тот не выглядел.

– Да... это сбивает с толку, – вынужден был признать Карраго.

– Хуже, что пересечь их... – Винченцо повернулся к оврагу. – В общем... сложно это.

Глава 6

Винченцо

Вода шелестела.

Рядом.

Тонкая ниточка реки поблескивала там, внизу, казалась обманчиво близкой. Да и чем дальше, тем менее крутыми выглядели стенки оврага. И если подумать, то можно ведь попытаться.

Стоит попытаться.

Какие у них варианты-то? Винченцо снова повернулся к оврагу.

Кольца.

Красса.

Еще одна легенда, которой явно лучше бы легендой оставаться.

– О чем думаешь, дорогой братец? – Миара нашла в себе силы подняться и пересечь поближе к костерку, который развели прямо тут, над обрывом. И наемник позаботился, чтобы огонь этот было чем кормить. Рядом высилась куча валежника, а с другой стороны – обрубленные еловые лапы, из которых вполне можно соорудить постель.

И ночевать придется.

– О том, что нам туда не перебраться.

– Ты всегда был чрезмерно пессимистичен, – она подо-

брала грязноватый край плаща и, опустившись рядом, закуталась по самые уши. – Знобит. И спать все время тянет.

– Спи.

Все одно заняться нечем. Потому что...

Возвращаться?

Попытаться обойти? Овраг выглядит ровным, а стало быть, его диаметр велик. Сколько дней понадобится? То-то и оно. И не факт, что где-то там, по пути, найдется обвал.

Скорее нет.

Даже там, в горах, на местах разломов кольца сохраняли свою целостность.

– Кошмары.

– Кошмарные?

– Кошмарнее некуда... я вижу себя счастливой женой Карраго.

– И вправду жуть, – будь у Винченцо силы, он бы почувствовал. Будь у него совесть, он бы занялся полезным делом. Того же валежника набрал или вон помог обустроиться на ночь.

Или еще чего-нибудь сделал.

Важного.

А он сидел, пялясь в пустоту.

Солнце, перевалив за середину, устремилось к земле. Тени стали длиннее. Изменились запахи. Потянуло прохладой, то ли от леса, то ли от реки.

– Стоит признать, что... – он прихлопнул на шее очеред-

ного комара. – Что спускаться надо... взять плащ. Лучше два. Закутаться... огонь... она устойчива к магии, но если сотворить огонь, то может и заняться.

– Стебли сухие, – отозвался Тень. – Но если вдруг полыхнет, то мало не покажется.

– Полыхать будет внизу, – Миара тоже повернулась в сторону оврага. – Здесь по кромке всюду лишь трава. Кстати, горит ледория неплохо... можно еще кое-что сделать... к магии она не чувствительна, но зажигательный порошок – это не магия.

– А алхимический огонь? – поинтересовался барон, до того сидевший тихо-тихо.

– Это тоже не совсем магия. Смесь разных элементов, которая образует весьма горючее соединение...

– И если этой смесью что-нибудь полить, оно загорится?

Винченцо прикрыл глаза:

– Где? – спросил он. – Где ты его нес?

– Ну... – мальчишка снял с пояса флягу. – Еще в сумках есть. Я подумал, что воду все возьмут, а тут... если отлить немножечко...

– Главное, чтобы не разлить, – Тень флягу взял и, открыв крышку, понюхал. – Вполне... хотя ты знаешь, что он иногда взрывается? Сам собой?

Мальчишка слегка побледнел.

– У него состав сложный, – пояснил Винченцо. – И не всегда те, кто готовят, точно следуют рецепту. В результате по-

рой начинается дестабилизация структуры... Впрочем, при длительном хранении она в принципе неизбежна.

Дикарь молча отвесил барону подзатыльник.

– Ай! Он же ж нужен! – тот потер макушку и насупился. – Я как лучше хотел...

– Что ты еще прихватил?

– Ну... ничего! Честно! Думал взять папин меч, но он тяжелый и неудобный. Но я же ж немного!

– Этого немного хватило бы, чтобы от всех нас осталась глубокая красивая ямка... – Тень завернул крышку. – С другой стороны в нынешней ситуации... где остальное?

В сумках мальчишки обнаружилось еще пара фляг.

Ржавый прут с загнутым концом. Клещи, судя по грозному виду, то ли из кузни, то ли из пыточной. Недогрызенный сухарь и надкушенное яблоко, завернутое в платок из тончайшей ткани. С золотым шитьем. Да, сморкаться в такой не с руки, а вот яблоки носить – самое оно. Ну, и дюжина иных, весьма любопытных вещей.

– Мда, – только и сказал Тень. А потом посмотрел на Мишу.

И на магов.

– Удивляет не то, что мальчишка взял вот это, – Тень осторожно отложил фляги подальше от костра. – Удивляет скорее то, что только он и взял.

– Я как лучше хотел, – пробурчал Джер и потянулся за яблоком, которое платочком же отер, чтобы впитаться в дру-

гой, ненадгрызенный бок.

– Пожалуй... в свое оправдание могу сказать, что я привык полагаться на собственную силу, – Карраго развел руками. – Алхимический же огонь – субстанция грубая. И ненадежная до крайности. Полагаю... вы тоже?

Винченцо вздохнул и признался:

– Пяток амулетов, кое-какие травы.

– Моя сумка? – уточнила Миара.

– Захватил.

– Вот... все же мы маги, не воины. А ваша голова, полагаю, была занята иным...

Хорошая отмазка.

А вот у Михи и такой не было. Он же ж вроде как наставник. Должен был проследить. Уследить. Уберечь. И наставить мудрым советом.

Мудрых советов в запасе не имелось. Одни подзатыльники.

– А молчал чего? – спросил он у Джера. – Когда мертвяки полезли.

– Да... забыл как-то.

Действительно. Что не понятного?

Миха покрутил клещи и отложил. Мало ли, вдруг да и они пригодятся.

– Что до огня, – Карраго вновь подошел к обрыву. – То как ни странно, все может получиться.

Сумерки подобрались с запада. И хотя бы без тумана. Винченцо, конечно, границу поставил, а Карраго укрепил её дюжиной весьма интересных узлов.

– Дублирование отдельных контуров позволяет достичь куда более высокой концентрации силы на участках между ними. И в целом повышает общий уровень напряженности, – пояснил он. – Вот, взгляни...

Миара тоже подошла поближе, хотя все одно сделала вид, что просто так стоит.

Устала сидеть.

И лежать.

А вот постоять, это можно. Если же получится послушать что-то там, то она тоже не против. Но настаивать не будет.

– Создание полного дубля приведет к возникновению точек чрезмерно насыщенных, вследствие чего самодестабилизирующихся...

Учителем он был хорошим.

И связки Винченцо запомнил. Надо будет потренировать.

– Все равно он хитрая задница, – пробормотала Миара позже. Правда, едва слышно и с набитым ртом – она пыталась пережевать полоску вяленого мяса. Но Карраго услышал.

– Сочту за комплимент...

Карраго мясо нарезал тонкими, с волос, полосками, которые отправлял в рот.

Меж тем костер прогорел, и на углях – дров бы нормаль-

ных, а то не угли, но пепел один – появился котелок. Карраго сам его наполнил водой.

– Если к стандартному рецепту восстанавливающего зелья...

– Оно тоже есть. В сумке, – Миара потянулась к этой сумке.

– Не сомневаюсь. И даже сварено толково. Но дело в том, что имеются кое-какие хитрости... так вот, если на этапе первичного нагрева добавить к смеси трав...

Указанная смесь полетела в котелок, над которым моментально вскинулось пламя, впрочем, сразу и осело.

– ...три капли сока наперстянки и одну – белены...

Бутылочки появлялись и исчезали в сумке, не выглядываящей сколь бы то ни было внушительной.

– То мы все потравимся.

– Затем щепоть черной соли и вытяжку из спинного мозга пустынной змеи...

Вот Винченцо всегда предпочитал не знать составы тех зелий, которые приходится потреблять. Тогда и потреблять их как-то проще, что ли.

– Растертые раковины моллюсков...

Миара смотрела неотрывно, зачарованная представлением.

– Теперь снять с жара и позволить настояться.

– И что в итоге?

– То же зелье, но куда более эффективное. Правда, есть у

него один недостаток, – Карраго прищурился. – Хватит мозгов понять, какой именно?

Миара чуть свела брови. И кивнула.

– Не хранится.

– Почему?

– Потому что иначе ты бы взял его зельем, а не устраивал тут... но если о причинах, то скорее всего сама реакция. Сочетание компонентов таково, что при длительном контакте они будут взаимоуничтожаться.

– Все таки у тебя в голове есть что-то, кроме дури...

Почти комплимент.

Тень покачал головой и буркнул в сторону:

– Маги.

Маги и есть. И звучит это ругательством, но...

– Пьется горячим. Настолько, насколько возможно.

Карраго сам разливал зелье.

И первым выпил стопку и скривился.

– Еще вкус... мерзейшее средство. Так, ему два глотка.

Через четверть часа – три. Еще через четверть – допить остаток.

Он протянул кривобокий кубок Тени и кивнул на мальчишку.

Миара выпила залпом и зажала рот рукой.

А и вправду мерзость. Такая вот... редкостная мерзость, которая обволакивает рот изнутри то ли жиром, то ли кислотой. И язык прилипает. Зубы склеиваются. И каждый гло-

ток вызывает у организма судороги.

– Кого стошнит, заставлю сожрать, – меланхолично ответил Карраго. – Не для того я тратился, чтобы тут некоторые... силы нам завтра понадобятся. А значит...

Надо терпеть.

Стиснуть зубы и просто терпеть.

– Вам не предлагаю... а вот вы, молодой человек, извольте.

Джер побледнел, поглядел на Мihu, но тот кивнул.

– Надо, – Винченцо сумел разлепить зубы. И пусть голос его звучал надорванно, но говорить выходило. – Завтра будет тяжелый день... даже если кусты займутся, легче не станет. Нам силы понадобятся. Все. Без остатка.

Джер вздохнул.

И протянул руки. Кубок он держал осторожно. Ипил... первый глоток сделал большим. Протолкнул отраву в горло и застыл с раззявленным ртом.

– Да нос ему зажмите и лейте, – посоветовал Карраго.

– Знаете, – Дикарь похлопал парня по спине. – Вы, конечно, за критику не сочтите, но с педагогикой у вас не ахти.

– Я... сам, – мальчишка вдохнул поглубже и допил. Стиснув зубы, он содрогнулся, лицо побелело, но то ли угроза Карраго подействовала, то ли врожденное упрямство.

Он закрыл глаза и несколько мгновений сидел вот так, с прямою спиной и стиснув руки.

Неприятно.

Зелье ощущалось внутри тугим комом огня, и казалось, что еще немного и оно просто-напросто расплавит желудок. Нельзя быть таким доверчивым...

– Вот смотрю на вас и диву даюсь, – покачал головой Карраго. – Нельзя же быть настолько доверчивыми.

– Ненавижу магов, – буркнул Джер.

– Вы тоже пили, – Дикарь понюхал остатки зелья.

– И что? Во-первых, я не просто маг, но весьма старый и опытный. А еще разбирающийся в зельях. Что мешало мне изготовить яд, но заранее принять противоядие? Или вот изготовить зелье, которое только для магов? Или...

– Здравый смысл? – Дикарь поглядел на обрыв. И на кубок. И снова на обрыв. Вздыхнул. Выдрал клоч мха и им отер стенки.

Разумно.

Нельзя тратить воду на мытье посуды. Как знать, выйдет ли еще спуститься.

– И в чем же здравость?

– В том, что вы не останетесь тут один. Места здесь какие-то... как бы это выразиться, не слишком дружелюбные. Кроме того, – он кивнул на Миару. – И она пила.

– Ну да... ну да... не важно. Отдыхайте.

И Карраго бросил на землю остатки плаща. Потом лег, свернувшись клубком, и сумку под голову подложил.

– Он... серьезно спать собирается? – Джер нахмурился.

– А что еще делать? Устраивать пожар посреди ночи –

не лучшая идея, – Карраго глаза закрыл. – Потому как если вдруг что-то пойдет не так, ты даже не увидишь, куда бежать. Следовательно, и спуск откладывается. А значит что?

– Что?

– Что образовалось время, которое можно с успехом использовать для отдыха и восстановления сил... – он отвернулся. – В конце концов, я уже не молод, а эти двое до крайности истощены. Что до вас, молодой человек, то вам лишь кажется, что сил много. типичное заблуждение для вашего возраста. И потому советую...

– Он прав, – Тень бросил в огонь пару палочек. – Если есть время для отдыха, то нужно его использовать.

Джер явно не желал соглашаться. Но и спорить не стал.

Лег. Поерзал, пытаясь как-то устроиться на голой земле.

– А... этот круг... он... вдруг я его сотру?

– Тогда я весьма разочаруюсь в себе, – отозвался Карраго.

– Не сотрется, – Винченцо провел пальцем по линии. –

Есть... такие заклятья, которые помогают стабилизировать изображение.

– А почему там бы стерся?

– Там он не стерся бы, там бы его проломили. Энергетическую составляющую. И да, живых граница пропустит. Но злоупотреблять не советую.

Джер молчал минуты две. Но спать ему определенно не хотелось. Вот ведь. еще недавно шел и падал, а теперь вон вертится ужом.

– А как же раненые?

– Какие?

– Вот он, – Джер указал на парня.

– Он как раз спит. Разумный юноша.

– А Ица?

– И она спит!

– Долго! Это нормально, что она спит так долго? И почему вы его просто не излечите? Вот... – он даже сел. – Это же ж...

– Начинаю вспоминать, почему все мои отпрыски до достижения тридцати лет живут на своих этажах...

– Потому что это не так просто. Нельзя сделать что-то из ничего. Сейчас сил нет ни у меня, ни у... кстати, как его зовут?

– Зови теперь Красавцем, – Тень сидел на корточках.

– Наемники отличаются невероятной суеверностью. Они полагают, что истинное имя человека дает магу власть над этим человеком.

Похоже, Карраго тоже не спалось.

– А не дает? – Дикарь держался у границы.

– Как сказать... сильный маг и без имени обойдется. А слабому, тому да, имя лишним не будет. Красавчик... длинновато, не сочтите за критику.

Тень тихо вздохнул.

– С другой стороны да... жить он определенно будет, теперь в этом сомнений нет. Однако вот рубцы останутся. Чувство юмора у наемников тоже своеобразное.

Винченцо тоже лег.

Жестковато.

И корень какой-то, выбившись из земли, упирается в ребра. И главное, не покидает ощущение полной ненормальности происходящего. Будто он, Винченцо, заблудился в чьем-то донельзя безумном сне.

Размышляя об этом он и уснул.

Быстро.

Словно разом отключился. Причем как-то сразу и ясно понял, что спит.

Туман.

Здесь, во сне, он серый и плотный настолько, что можно потрогать. Винченцо и потрогал. На ладонях осталось ощущение липкой грязи. Он их вытер.

А дальше что?

Зелье действует?

Место не изменилось. Почти. Лес отступил. Кустарники исчезли. Земля. Нет, она была, но подбиралась к краю оврага, даже нависала над ним бахромой переплетенных корней, но дальше, ниже земля сменялась металлом. Серебристым. Гладким до того, что смотреться можно.

Скользким наверняка.

Металлическая стена уходила вниз. А вот туман держался поверху.

Винченцо лег на живот и дотянулся ладонью до металла. Теплый. Как будто живой. В этом должен был бы быть смысл,

но смысла не было.

Он убрал руки.

Осмотрелся.

Овраг тянулся широкой серебристой полосой. Та уходила куда-то за горизонт, растворяясь на линии его.

– Эй, – Винченцо обернулся. – Есть тут кто...

Потом подумал, что кричать в незнакомом месте – так себе идея. Вдруг и вправду кто-то есть. Кто-то такой, с кем встречаться не желательно.

Он потянулся к силе.

Силы не было.

Даже того робкого огонька, который теплился на дне источника и в самые худшие времена. Источника тоже не было.

Винченцо...

Стал обычным человеком? Он поднял руки.

Ничего не изменилось.

И пальцы шевелятся. Он ощущает прикосновение к коже. И неровность этой кожи тоже ощущает. Щетину, что пробивается наружу.

Хорошо? Плохо?

Он понятия не имеет, что чувствуют обычные люди. Но в данном случае очевидно, что ситуация может быть истолкована двояко.

В первом случае Винченцо имеет дело с игрой собственного разума, на котором сказались многочисленные потрясения – не могли они не сказаться. Во втором – он и вправду

ду оказался в месте, которое отрезало его суть от силы. И главное, пусть данная теория не имела сколь бы то ни было внятных подтверждений, Винченцо она казалась ближе.

Допустим, все именно так.

Он оказался... где?

Рядом со свежесотворенным кругом. Судя по блеску металла, отсутствию земли и растений... к слову, металл уходил дальше, выгибаясь таким горбом, на котором Винченцо и стоял. Он сделал несколько шагов от края. Да, металл соединялся с подложкой из металла же. Причем плотно, так, что место соединения Винченцо отыскал не сразу. Щель была тоньше волоса.

Но была.

А еще через десяток шагов на металле появился песок.

Сменился глиной.

И землей.

На ней даже чахлые деревца высились предвестником будущего леса.

Итак, если допустить, что он видит... скажем, прошлое? Далекое?

Весьма далекое.

Почему?

Другой вопрос.

Грань силы. Болезнь, которая не болезнь, а дорога духов. Винченцо же случилось... если так, то надо идти. Назад? Вперед? Осталось разобраться, где тут назад, а где тут впе-

ред...

– Эй, – он все-таки крикнул снова, пусть это было нелогично. – Духи, покажитесь!

Тишина.

Эха и того нет.

Он повернулся и направился к кольцам. Если идти вдоль... то он будет просто идти вдоль. Картинка почти не меняется. Овраг. Отвесная стена. Гладкий металл. И звук собственных шагов отдается в ушах. А еще жарко. Солнце вскарабкалось на небосвод, только какое-то низкое и красное. Да и само небо темное, серое даже, будто там, между солнцем и землей, повисло облако пыли.

Или...

Пот сочится по шее. По спине. Пот пропитал одежду. И собственное дыхание теперь с присвистом. Губы склеило от сухости. Язык распух. Еще немного и Винченцо подавится этим языком.

Но он идет.

Ему надо. Туда. Вперед. Зачем? Понятия не имеет... но надо. Очень. И он идет, идет... пока путь не перерезает вереница столбов. Они начинаются где-то там, над чахлым леском, из которого выступают белесыми костями. И стоят, если Винченцо хоть что-то понимает, на равном расстоянии друг от друга. Дальние почти не различимы. Но важно не это. Важно, что столпы уходят в металл.

И тот, что на берегу.

И тот, что в обрыве. И там, на дне обрыва. С близкого расстояния столпы кажутся вовсе странными. Тонкие, с запыстью величиной, они пронзают металл Древних, словно гигантские спицы. Но чем выше, тем толще становятся.

Винченцо прикрыл глаза, потому как солнце, несмотря на пыль, слепило. И да, если ему не мерещилось, то где-то над головой столпы связывались друг с другом тончайшими нитями, образуя престранное сооружение. Словно кто-то планировал строить веревочный мост и даже проложил тросы, но после вдруг взял и бросил.

Это определено что-то да значило.

Например, шанс.

Если, конечно, мост уцелел.

Если Винченцо сумеет вернуться.

И если ему не примерещилось, что тоже было вполне реально. Но... он потянулся к силе и поморщился. Там, в мире настоящем, он бы просто поставил метку, пусть даже ушло бы на нее куда больше сил, чем обычно. Здесь же ему что делать?

Как пометить?

И вообще...

Хотя... он развернулся и зашагал по собственным следам. Точнее там, где эти следы были.

– Раз, два, три... – он считал вслух. Это помогало сосредоточиться, хотя жажда лишь усиливалась. – Десять... двадцать...

И сбиться сложнее.

По шагам тоже можно определить расстояние. А там...

– Двести сорок три...

Главное, чтобы получилось вернуться. А там уже Винченцо решит, примерещилось ему или нет. Да и какая разница, где палить сухой кустарник, там, где они встали лагерем, или сотней шагов восточнее?

Ладно, не сотней.

Три тысячи триста тридцать три.

Красивое число.

Винченцо осмотрелся, поморщившись, он не был уверен, что очнулся именно здесь, но... дальше как?

Он опустил на металл, который почти не нагрелся на солнце, что тоже было не совсем нормально. И лег. И сцепил руки на груди. Закрыв глаза. В том мире он заснул, чтобы проснуться в этом? Следовательно, стоит попробовать тот же способ.

Если повезет, получится.

Если.

Повезет.

Глава 7

Верховный

Шаг.

И еще шаг.

И руку поднять выше. Она почти не ощущается, но хотя бы не тяжела, особенно, если поддерживать под локоть. Идти...

По узкому коридору.

Стены неровные, грубо отесаны и лишены украшений. Ни барельефов, ни росписей, лишь этот серый во тьме кажущийся грязным, камень. От него и пахнет-то сыростью, плесенью. Воздух внутри пирамиды тяжелый и спертый, такой, что каждый вдох дается с боем. И разум нашептывает, что стоит вернуться, что все это путешествие напрочь лишено смысла.

Что Верховный хочет найти там, внутри?

Очередную тайну?

А не довольно ли с него? У него и так тайн больше, и все какие-то бесполезные, вроде того хранилища Древних? Да и вовсе... сколько ему осталось? Он давно уже живет в долг, так стоит ли теперь... пусть кто-то другой, помоложе, возьмет на себя заботы о мире? О людях? Империи?

Верховный тяжело вздохнул и отправился дальше. Благо, коридор был прямым, что древко стрелы. Закончился он

лестницей, чьи ступени уходили во тьму. И здесь уже пахло чем-то иным, не только затхлостью.

Благовония?

Цветочные масла?

Нет, что-то куда более знакомое... кровь.

Она, засохшая, старая, лежала на ступенях. Она въелась в камень, сроднилась с ним, ставши неотделимой, но запах, запах сохранился.

Верховный потрогал пятно и поднес пальцы к глазам. Со вздохом разогнулся и, опираясь ноющей рукой на стену, поднялся на первую ступень. Высокие. В его пирамиде пониже будут. Да и много тут... ничего.

Справится.

Не так уж он стар и немощен.

Он шел медленно, то и дело останавливаясь, чтобы отдышаться. И с каждой минутой крепло внутри раздражение. Вот ради чего все?

Лестница вывела в другой коридор.

И здесь уже слабо, тускло, но горел факел. Кем был оставлен? Мекатлом? Императрицей? Не важно. Главное, что огня хватило, чтобы осветить вереницу золотых масок. Они начинались сразу от входа, и Верховный узнал ту, что была ближе.

Император.

Маска была из числа храмовых. Их каждый год выплавляли по дюжине. Эту Верховный даже помнил, держал в руках,

тогда аккурат нашептали, что золото для масок разбавляют медью.

Он не удержался, коснулся поверхности.

Разбавляли.

И давно. Настолько, что утратили всякую осторожность. Жадность... у людей множество пороков, но жадность, пожалуй, опаснее прочих. И маску эту Верховный собирался отдать на переплавку, но вот беда, Император требовал новую, а времени, чтобы сотворить... теперь же она, несовершенная, осталась в вечности. В том числе упреком Верховному.

Многие тогда отправились на вершину пирамиды.

В том числе и смотритель Казны. Он, кажется, был из рода... Верховный забыл, какого. Главное, определенно род оказался недоволен. И врагов у Верховного прибавилась.

А вот еще одна маска.

Отец Императора.

И его дед... Верховный застал его правление. Прадед... вереница масок тянулась, и каждая походила на другую. В какой-то момент начало казаться, что все эти маски – суть одно лицо. Жутковато. А главное, Верховный пропустил момент, когда золото начало оживать.

Сперва мелькнула и погасла искра на гладкой поверхности одной маски. Ожила в другой.

Засветилась третья, тускло, неровно, пятнами.

А вот в четвертой свет окреп, пусть все одно был нерав-

номерным. Пятая... еще немного и откроет глаза. Разомкнет слипшиеся губы, задав вопрос, на который у Верховного нет ответа.

Что он делает здесь?

Впрочем нет, маски не стали говорить. Зато потянуло свежим воздухом. И кровью... тоже свежей.

Три ступени.

Приоткрытая дверь, которой Верховный коснулся осторожно. Площадка три на три шага. И бездна внизу. Маревое огня на небесах почти погасло, лишь редкие всполохи тревожили тьму.

– Красиво, – девочка сидела на самом краю, свесив ноги в бездну. А за спиной её темной грудой виднелось тело. – Хорошо, что ты пришел.

– Не уверен, что мне сюда можно, – Верховный оторвал руку от двери. Отпускать её было боязно, хотя он и понимал, сколь нелепый это страх.

– Теперь, наверное, да... или нет. Я не знаю.

Она смотрела на небо.

– Их так много...

– Звезд?

А вот кровью пахло резко. Верховный посмотрел на тело... нет, подходить к нему не стоит. Мекатл или мертв, или почти. В любом случае, он не так и важен.

– Да... я не помню, где я жила раньше, но знаю, что не видела столько звезд. Никогда, – она обернулась и лицо её

было бледно. – А ты?

– Видел. Я каждую ночь поднимаюсь... поднимался...

И теперь придется снова, потому как Мекатл мертв. А кому еще поручить столь нужное, но при том грязное дело? То-то и оно, что некому.

Совершенно некому.

– Я не хотела, – девочка протянула руку. – Не хотела его убивать. Он сам виноват.

– Конечно.

Верховный коснулся тонких пальцев. Хрупкие какие. И ноготки полупрозрачные, и рука сама во тьме кажется белой, а что под ноготками темная кайма грязи пролегла, так ведь ребенок.

Пусть и божественный.

Дети вечно ищут что-то. Грязь в том числе.

– Ты не боишься меня? – в её глазах и звезды, и марево, и вопрос.

– Боюсь, – признался Верховный, опускаясь на камень. Получилось тяжеловато. Заныла спина и суставы тоже. Как бы потом подняться.

– Почему? Я ведь никогда не делала тебе плохого. Другим делала. Но тем, которые сами хотели сделать мне плохо.

– Это сложно объяснить...

Смотрят выжидающе. Ну да, не ответ.

– Ты – дитя. Я смотрю и вижу дитя. Чудесное. Красивое. Такое, которому радовалась бы любая мать и любой отец...

– Я и её не помню. Маму.

– Ксочитл тебя любит.

– Да... она... как мама, – и брови хмурятся. – Но говорить нельзя. Если сказать, то её убьют. Это правда?

– Попытаются, – кивнул Верховный. – Дело в том, что ты не только дитя, но и воплощение власти. Высочайшей. И тот, кто влияет на тебя, тоже получает часть этой власти. А кто может повлиять на дитя сильнее, чем та, что подарила жизнь? Или та, кого он почитает наравне?

– Я поняла, – девочка была серьезна. – Спасибо.

– Не за что. А вот в остальном... тебе доступно то, что не доступно ни мне, ни кому бы то ни было из взрослых. Ты можешь забрать жизнь. А можешь вернуть её. Это сродни тому, что делали боги. Но боги давно ушли. И люди привыкли к тому, что боги далеко. Более того, людям не нужно, чтобы боги возвращались.

– Как тот, который из золота?

– Да. Боги ведь могущественны. Настолько, что ни один смертный, будь он воин или даже маг, не сравнится с ними в силе. А стало быть, мы все тут станем не жрецами, воинами или владетелями земель, к слову которых прислушиваются те, что стоят ниже. Мы все станем игрушками в руках богов. А кому это нравится?

Она чуть задумалась.

– Каждый, кто оказывается рядом с тобой, он знает о твоей силе. И боится.

– Силы?

– И силы. И того, что дана она ребенку. Вдруг да ты обидишься и отнимешь жизнь? Или из прихоти? Каприза?

– А другие так не делают?

– Делают, конечно... как-то великий Император, живший задолго до твоего рождения, решил, что его оскорбляет вид увечных людей.

– И что он сделал?

– Велел их казнить.

– И казнили?

– Несомненно. Слово Императора – закон.

Впрочем, прожил он недолго, слег почти сразу после зимнего празднества, холодной воды напившись. Случается...

– И его тоже боялись?

– Да.

Как любого безумца. А дети ведь где-то совсем рядом... но эта девочка сидит на краю, мотая ногами в пустоте. И где-то там, внизу, видна россыпь огней. Во внутреннем дворе все еще царит суета. И надобно возвращаться. Сделать какое-то заявление, объявление, объяснение. Что-то, что гонцы развезут по храмам Благословенного города, а там и дальше. Слово, что будет сказано и успокоит людей.

Или нет.

Вряд ли Верховный способен найти такое слово, которое их успокоит.

– Звезды красивые. И небо, когда горело... я вспомнила

Огонь.

– Огонь?

– Да. Там, где я жила... я почти ничего не помню.

И маг уверяет, что это нормально, что утраченная память – суть следствие обряда. А может даже её специально убрали?

– Это тебя беспокоит?

– Нет. Пожалуй, нет... ты не разговариваешь со мной, как с ребенком. Некоторые... особенно один старается. Он привез мне кукол. И еще подарил девочек. Пятерых. Они глупые, – Императрица наморщила носик. – Хотят со мной играть. И кукол делят, делят... я сказала Ксочитл, чтобы не приводила их больше.

– Он хотел сделать тебе приятное.

– Да, я понимаю. Но... я ведь действительно... это странно. Иногда мне хочется играть. И куклы красивые. Ксочитл шьет им одежду. И мы смеемся. Она рассказывает сказки, и я слушаю. Мне нравятся её истории. А потом все это становится вдруг таким бессмысленным. Пустым.

Девочка обняла себя.

– И я вижу, что все... что неправильно. Что этот человек ищет способ повлиять на меня. Что ему нужна не моя радость, а взамен на куклы и девочек он хочет земель. Или золота. Или чтобы его кем-то назначили. Или не его.

– Это взрослая жизнь. Он просто привык так... твоему отцу дарили охотничьих соколов или вот собак. Лошадей.

Наложниц.

– А взамен хотели того же?

– Земель. Чинов. Власти.

– Мир скоро погибнет.

– Верно. Но вряд ли это кого-то остановит... так ты вспомнила огонь?

Ведь не удалось найти ни семьи, где росло дитя, ни тех, кто помог появиться ему на свет. Впрочем, Верховный подозревал, что случилось это где-то под землей. Там, где стоял древний город. И надежно хранил свои тайны.

Поэтому и звезд она не видела.

– Он горел... ярко. И я любила на него смотреть. На свечах – другое. Их нужно было беречь, и потому огонь был слабым-слабым. Я его подкармливала щепками. Когда никто не видел. Но иногда меня брали туда, где горел камин. И огонь тогда был очень ярким. Сидеть рядом было тепло. Тогда я согревалась.

– Скажи... – Верховный поглядел на небо, начавшее светлеть. – Тот город, под землей, тебе он не показался знакомым?

– Не знаю, – она покачала головой. – По запаху разве что... там такой воздух. Не такой. Не как здесь. Дышать тяжело.

– Это есть.

– И дома тоже... но меня не выпускали. Из дома. И поэтому города я не видела. Да, – она сказала это чуть уверен-

ней. – Дом... очень большой дом. Много людей.

Она чуть прикрыла глаза и качнулась. Верховный поспешил обнять её.

Дитя.

Все-таки дитя. Хотя бы сейчас.

– Я... жила... где-то там... рабы были. Рабы нечистые. С ними нельзя говорить. А еще они глупые и всего боятся. Иногда... однажды на меня такой напал.

Она вскинулась.

– Я помню!

– Умничка, – Верховный подвинул её чуть ближе. И обнял уже двумя руками. – Но тебе не обязательно вспоминать дурное.

– Гулять нельзя. Выходить нельзя. Но я вышла. Во двор. Скучно... было очень скучно. И темно. Свеча почти погасла, а во дворе – фонарь. Я просто вышла. А он... он вдруг высунулся и помахал. Старик. Улыбался. И показал свечу. И спросил, хочу ли я увидеть звезды. Он знает тайный ход. Наверх. Туда, где небо. И звезды. Настоящие. Они как огонь, только много-много лучше.

Она бормотала, и Верховный напряженно вслушивался в каждое слово.

– Я поверила. Я была глупой. Поверила рабу. А он повел... сказал, что мы быстро, что никто не заметит. Я ведь была хорошей девочкой и рабов не обижала. Я и вправду их не обижала!

– Конечно.

– А мы зашли... зашли за... ход. Был. Тайный. Узкий. И он меня за горло схватил. И еще вцепился. Зубами.

Она закрыла ладонью шею.

– Что он... почему он так?

– Сошел с ума. С людьми такое бывает.

С теми, кто живет во тьме и долго не видит солнечного света.

– А дальше не помню... то есть, наверное, нас кто-то нашел. Или его? Или он умер? Я уже дома... меня даже не ругали. Но лечили. И свечей стало больше. Я боялась спать в темноте. Боялась. И мне разрешили свечи.

Значит, девочка была из числа тех, кто мог позволить себе такую роскошь, как свечи.

И рабы.

– Все уже в прошлом, – Верховный держал её крепко, такую по-человечески хрупкую. – Сейчас... свечи горят?

– Лучше. В моих покоях есть окна! если их открыть, то видны звезды. И небо. И... солнце тоже!

– Вот и хорошо, – он погладил девочку по голове. – К тому же Ксочитл не позволит тебя обидеть. Никому.

– Знаю. И ты.

– И я... наверное. Я уже стар. И слаб. Вряд ли способен на что-то.

– Брат Ксочитл сказал то же самое. Тот, кого ты назвал своим... тем, кто будет после тебя.

Верховный вздохнул.

Мекатл не был готов, но Владыка Копий прав: преемник был нужен. Хотя бы формально, чтобы прекратить или ослабить эту подковерную возню.

– Брат Ксочитл сказал, что с ним будет легче. Ты упрямый. И несговорчивый. И делаешь так, как полагаешь нужный. А ему, кто после тебя, потребуется помощь. И он будет слушаться тех, кто поможет.

– Я не знал. Ты поэтому его убила?

– Нет, – девочка тихонько вздохнула. – Я не хотела... он... он просто вдруг... лицо стало таким. Страшным. И он потянулся ко мне. Как тот раб... я, наверное, поэтому и вспомнила, что... он вцепился мне в шею. И укусить хотел. Укусил даже.

Она вытянула шею и ткнула пальцем в след.

– Видишь?

– Вижу, – Верховный погладил отпечаток. След и вправду был. – Странно. Он казался мне разумным человеком.

Хотя... он ведь убил жреца, там, под землей. И наверняка скрывал немало тайн.

– Ты держала в руках его сердце, – эта мысль появилась внезапно. – Как тогда?

– Не знаю. Тут... тут другое все. Чувствуешь?

– Нет.

Девочка ненадолго замолчала.

– Тут... – она заговорила не сразу. – Сила... когда тот...

отец... кто назвал себя моим отцом. Он принес меня впервые. Я болела. Понимаешь?

– Конечно.

– Вот. Он принес и положил на камень.

– На тот? – Верховный развернулся и указал на грубую плиту, что служила алтарем.

– Да. И он сказал, что предки меня примут. А потом резал руки. И кровь лил. И стало так... хорошо-хорошо. Я слышала их. Тех. Что в коридоре висят. Они говорили. Много так, путано. У меня от них заболела голова.

Девочка поморщилась.

– От болтунов всегда так, – согласился Верховный.

– И я вот думаю. Но потом стало жарко. Я даже думала, что сгорю. Но меня отпустили... вот.

– Что они тебе сказали?

– Не помню.

Ложь. Маленькая, но царапает, как камешек в мягких туфлях. Но Верховный молчит.

– Но теперь иногда они меня зовут.

– И сегодня?

– Нет. Сегодня позвал он. Тот. Как его звали?

– Мекатл.

– Он пришел. Вечером. Сказал, что надо... надо подняться.

– И ты послушала?

– Да.

Все-таки ребенок. Доверчивый. И куда охрана смотрела?

– Не ходи больше одна, ладно? – Верховный провел ладонью по волосам. – Это опасно. А если бы он тебя убил?

– Ксочитл говорит, что нас все равно убьют. Когда придет та, другая...

– Ты её видишь?

– Да. Иногда. Ксочитл говорит, что не нужно рассказывать. Что... она – там. А мы здесь. И боги сами рассудят. Это... мне кажется, это не очень хорошо.

Дитя сомневается в матери?

И её сомнения можно использовать. Даже нужно, ибо влияние этой женщины растет, что опасно для самой Ксочитл в том числе. Но...

– Боги и вправду рассудят, – Верховный произнес это мягко. – И каждому воздадут по делам его.

– А ты говорил, что они далеко.

– Совесть близко, – усмехнулся Верховный. – На деле что мы можем сделать, чтобы помочь ей?

– Не знаю.

– И я не знаю, – он развел руками. – Разве что не позволить Империи рассыпаться, ибо грядут смутные времена. А это всегда... сложно. Ты можешь попытаться поговорить с ней.

– Я пробовала. Она меня не слышит. А теперь и вовсе... она пропала.

Девочка поерзала.

– Я её чувствовала. Всегда. Не прямо, но что она есть. Там. А тут вдруг раз и нет. Это... неприятно. Зато они снова шептаться стали. Сильно.

– Маски?

– Да. Первые. Старые. Старые могут, – она оглянулась. – Говорят, что нужно отыскать сердце.

– Какое?

– Бога. И тогда он восстанет. И все будет хорошо. Только... – Императрица посмотрела снизу вверх и тихо-тихо добавила. – Я им почему-то не верю.

Глава 8

Миха

На рассвете закричал мальчишка, тот, которого нарекли Красавцем. До того он лежал тихо и, кажется, спал. А может, находился в забытии, что тоже вероятно. Сам Миха придремал. Как сам... Дикарь продолжал прислушиваться ко всему, что происходило вокруг. И это было донельзя разумно. Круг кругом, маги магами, но само место доверия не внушало.

Вот и слушал.

И кажется, не только он.

Во всяком случае, когда предрассветную тишину разорвал дикий вопль, первым к мальчишке кинулся Тень. Он упал сверху, прижимая дергающееся тело к земле. Крик вдруг оборвался. И парень захрипел.

– Что с ним? – впервые, пожалуй, Миха видел наемника растерянным. – Что с ним...

Миха понятия не имел.

Эпилепсия?

Похоже на то, но... из Михи медик-диагност, как из... сравнения в голову не шли. Да и синюшные вывернутые губы не вписывались в общую картину. И пальцы загнутые, которыми мальчишка скреб землю. и глаза раскрытые, выпяченные так, что еще немного и, казалось, выскочат из глазниц. Причем глаза вращались...

– Держи крепче! – Карраго сдвинул голову, но стоило ему прикоснуться, и мальчишка захрипел, засучил ногами, пытаясь вырваться из захвата. – Да помоги ему!

Он почти умудрился скинуть Тень, который вцепился в парня, всем своим весом пытаясь вдавить того в землю.

Миша навалился на ноги.

– Миара!

– Тут я, – она не слишком спешила. – Ишь ты как его... что это?

– Понятия не имею! – отозвался Карраго.

Отличный ответ. Вдохновляющий.

– Я могу соврать, но зачем, – он пожал плечами. – Как по мне что-то нехорошее.

А то бы Миша не догадался.

– Да держи...

Парень извернулся и, высвободив руку, рванулся, вцепился в горло наемнику. И губы его исказила улыбка.

– Т-т-сы... – вырвалось из горла.

– Говорил же, держите крепче, – Карраго раздраженно хлопнул мальчишку по лбу и тот вдруг побелел и затих. Пальцы разжались и он просто упал. – А лучше свяжите. И покрепче.

– Что... с ним, – Тень потер горло. Голос был сипловат, да и красные пятна на коже выделялись ярко.

– Вы его парализовали! – Миара склонилась над телом и оттянула парню веко. Поводила пальцем. – Удивительно...

так быстро.

– Поживешь с мое, научишься обращаться с неадекватными пациентами.

– Что значит, парализовал?

– А то и значит, – проворчал Карраго раздраженно. – Временно блокировал двигательные функции... да и в целом способность управлять мускулатурой.

Вдруг запахло дерьмом.

– Всякой... главное здесь – не затронуть сердце. Да и ряд иных мышц, иначе может случиться что-то серьезнее опорожнения кишечника.

Миха парня отпустил.

И огляделся.

Тишина.

Ни тумана, ни мертвецов, лес справа, лес слева. И овраг никуда не девался. Из него торчат хлысты колючего кустарника, покачивают ветвями на невидимом ветру. Небо бледное.

Холодок.

Костер почти погас, и чувствуется, что осень, если не наступила, то вот-вот уже. И дрожь пробирает до костей. Холодно... нет, стоп. Минуту назад он не ощущал холода. Во всяком случае такого, чтобы зубы стучать начали.

Это ненормально.

А значит, опасно. Все, что не нормально в этом гребаном мире априори опасно.

Миша подпрыгнул и потерял руки. Огляделся.

Миара с Карраго склонились над лежащим парнем, причем Карраго что-то говорил, тыча пальцем в неподвижное тело, а Миара слушала. Может, без почтения, но явно внимательно.

Тень стоял с другой стороны, напряженный и явно готовый напасть, даже если это будет последним, что он сделает в жизни.

Но убить мальчишку он не позволит.

Винченцо...

Спал.

Спал?

Да быть того не может! Парень вопил так, что весь лес слышал. А этот лежит себе, улыбается счастливо, едва ли не пузыри пускает.

– Эй, – Миша опустился рядом с магом. – Просыпайся, мать твою.

Тишина.

И пощечина не возымела эффекта. И то, что Миша мага приподнял и потряс. Стоило опустить, и тело наклонилось, осторожно укладываясь на камнях.

Что за...

А вот и Джер. Тоже лежит. И тоже улыбается...

– Эй! – Миша попытался поднять его. Тяжелый. И длинный. Тощий, как большинство подростков, но еще и жилистый. Меч во сне сжимает, но и только. Но дышит. – Они тут

тоже... что с ними?

– Полагаю, – Карраго подошел и коснулся шеи. – Мы имеем дело с...

– Чем-то непонятным? – не удержался Миха.

– Именно, – Карраго проигнорировал укол. – И это нечто непонятное, как вы изволили выразиться, явно воздействует на глубинные процессы, протекающие в мозгу.

– Они спят, – сказала Миара, приложив пальцы к шее брата. – Глубоко спят.

– А...

– И он тоже теперь спит, – Карраго тоже перешел к магу, чтобы повторить действия Миары. – Это и к лучшему.

– К лучшему?

Чтоб вас всех.

– Мы застряли не понятно где. В любой момент может опять появиться туман или... гроыхнуть. Мертвецы. Чудовища. Что еще? Главное, что чем дольше мы тут торчим, тем...

– Выше вероятность, – кивнул Карраго.

– И вы так спокойно говорите...

– Могу поорать. И даже попаниковать немного, если вам станет легче, – а вот теперь язви́л уже он. – Но смысла в этом немного.

– А в чем он есть?

– Во-первых, сон – это куда лучше смерти... хотя да, три трупа не замедлили бы нашего движения. Однако что-то мне

подсказывает, что именно вы, многоуважаемый чужак, им бы не обрадовались.

– Я брата тоже люблю... этого, – Миара опустила на землю и скрестила ноги. – Хотя он порой зануда и засранец.

– Во-вторых, я ощущаю некоторую активность их мозга, следовательно, он работает, что тоже хорошо. Лучше, чем если бы не работал.

Да уж. Непробиваемый оптимизм.

– Кроме того, есть одно средство... способное пробудить от долгого сна. Но требуется подготовка. И да, пока они спят, они восстанавливают силы. Это в-третьих.

А как проснутся, так сразу и за подвиги.

– На самом деле мне куда интересней другое.

– Что именно?

– Почему они? – Карраго потянулся к сумке и принялся вытаскивать из нее какие-то свертки и сверточки. Он раскладывал их на земле, время от времени меняя места. – Допустим, я бы решил, что дело в возрасте. Взять ваших... воспитанников. Оба молоды. А разум детей куда более гибкий, чем у взрослых. С одной стороны это, несомненно, преимущество, ибо ребенок приспособится к почти любым условиям существования. С другой – недостаток. Повлиять на него куда проще, чем на взрослого. Наша закоренелость нас спасает.

Вот чего Михе не хватало в этот рассветный час, так это душевной лекции в исполнении старого занудного мага.

– А он? – Миха указал на Винченцо, который продолжил лежать. И улыбаться.

– Именно. Ульграх давно не ребенок, хотя, признаюсь, сохранил некоторую наивность восприятия. Однако опять же, он истощен.

– Я тоже.

– Нет, дорогая моя, – Карраго, наконец, выбрал первый мешочек и, ткнув в котелок, велел: – Подай, будь добра.

Миара спорить не стала.

– Ты пережила срыв. Это весьма опасное для мага состояние, когда и разум, и тело вплотную подходят к грани. А наше тело, сколь бы странно это не звучало, обладает собственным разумом... точнее не совсем разумом. Главное, оно не хочет умирать. И защищает себя. И своего не сильно умного хозяина, выставляя некоторые временные ограничения. Именно поэтому твоя сила тебе сейчас недоступна.

Миара проворчала что-то невразумительное.

– И будет недоступна еще дней пять или десять. До тех пор, пока организм не сочтет, что используя её, ты не угробишься. Полагаю, есть некая защита и для разума. В момент срыва маг почти беспомощен, а вот после... – в котелок Карраго плеснул воды. В воду же добавил пару капель из темной бутылки. Резко, невыносимо запахло анисом.

Миха даже чихнул.

И чуть отодвинулся.

– ...давно отмечено, что после срыва маг впадает в специ-

фическое состояние...

– Пограничье?

– Именно, девонька моя. В нем даже думать сложно, поэтому ты и не сообразила.

Миара насупилась.

Но молча подала сверток, причем до того, как Карраго попросил.

– Вот, постепенно работа разума налаживается...

– А я? – уточнил Миха. – Или вот он...

– Вы оба – измененные. А одно из первых изменений, с которых, собственно, во многом процесс и начинается, это своего рода защита... разума. Она не слишком совершенна, но вспомни, ты ведь больше не считаешь меня другом?

Карраго ослабился.

А Миха вздохнул. Вот ведь... нет, поделиться чем-нибудь таким не тянет, да и парнем славным он не кажется, но и раздражения не вызывает.

В котел полетели какие-то лепестки.

Листочки.

– Изменение – процесс долгий и дорогой. Как правило работать начинают с объектами, которые предназначены служить кому-то. А если так, то зачем этому кому-то тот же наемник или телохранитель с открытым разумом?

Звучало донельзя логично.

– Три капли настойки болиголова...

– В исходном рецепте его нет!

– Несомненно. Но поверь, он тут нужен, как и вытяжка из мозга пустынной ящерицы.

– Она же...

Маги перешли на шепот, что-то обсуждая, несомненно важное. Причем Карраго даже слушал, кивал и лишь потом возражал. Но тихо. Нет, расслышать можно было бы.

Застряли.

В этом вся правда.

Бросить? Миха не позволит. Мальчишку. И девочку, которая вон даже клубочком свернулась, прижалась к Джеру. Мага тоже... пусть не друг, но это свинство, бросать беспомощных людей.

– Что вы собираетесь делать? – Миха понял, что вот он лично понятия не имеет, что делать.

Был бы кто-то... овеществленный, вроде вчерашних мертвецов, тогда понятно. Убил, одолел или еще чего, и ты молодец. А тут как?

Лежат.

Спят.

Сказка, мать его...

– Для начало попробую сварить одно зелье... его используют, чтобы пробудить от наведенного сна.

– А...

– А его в свою очередь используют, к примеру, на раненых. Во сне многие раны заживают быстрее. Да и менее мучительно. Впрочем... вариантов множество, но зелье хоро-

шее.

– А если не получится?

– Что ж... – Карраго разом посерьезнел. – Тогда признаем, что столкнулись с неразрешимой проблемой. Впрочем... будет еще один вариант.

И как-то так на Миару поглядел, что та с лица спала.

– Нет, – она покачала головой. – Я скорее их добыю, чем...

– Тогда будем надеяться, что зелье выйдет. Нам нужен огонь.

Костер горел на краю обрыва. Зелье кипело, источая на редкость отвратительные ароматы. Миара иногда помешивала его тонкой палочкой, которую вытаскивала, и тогда за нею тянулись темные густые нити. Она же подносила палочку к носу и принюхивалась.

Миха маялся чувством собственной бесполезности.

Он занял место на краю, чтобы видеть и магов, и спящих детей, и заодно уж лес, который манил близостью и понятностью. Но в лес ушел Тень, сказав, что надо осмотреться. А бросать их тут одних – не дело.

Вот Миха и сидел.

Маялся.

Ждал чего-то.

И заодно прислушивался. Не он, Дикарь, который очнулся-таки и был явно недоволен происходящим. Точнее даже тем, что ничего-то толком не происходило. Он слушал лес,

отмечая, что лес этот мертв.

Ни птиц.

Ни зверья мелкого.

Разве что нежить, которую Дикарь тоже чуял, но как-то не воспринимал, что ли.

– Почти уже, – сказала Миара, опуская палку. – Кровь нужна.

– Вот ты и дай, – Карраго устроился на земле. Стянул камзол свой, рубашку и лежал, подставив тощее какое-то бледное тело солнцу. Он и руки за голову закинул, и в целом вид имел весьма расслабленный.

– Отчего же я?

– Это твой брат в конце концов...

– Остальные мне не братья... – Миара прищурилась и появилось чувство, что она едва сдерживается, чтобы не ткнуть в Карраго этой вот палкой. – Между прочим, чем сильнее кровь, тем больше шансов, что зелье сработает.

– Вот именно, девонька, вот именно...

Карраго лениво потянулся.

– Но...

– Он болен, – Миха почесал нос и чихнул-таки.

– Что? Он? – Миара удивилась. А вот Карраго – нисколько.

– Правда, не знаю чем...

– Старостью, мой дорогой друг. Всего-навсего старостью.

И великие не властны над временем.

На великого в данный момент Карраго совершенно не походил. Пафоса не доставало.

– Да быть того... вчера... он ведь пробил барьер! И там, в замке...

Карраго приоткрыл левый глаз. И хмыкнул.

– Все-таки думать ты разучилась. Вспоминай, первые признаки возрастных изменений...

– Сила, – Миара задумчиво опустила палочку в котелок и снова принялась помешивать зелье, которое, кажется, еще немного и загустеет до каменного состояния. – Сила... становится нестабильна. Так? Резкие приливы и откаты... это приливы были?

– Почти выбросы, – Карраго поморщился. – Вообще не самая приятная тема для беседы. Сочувствовать не стоит...

– Я и не собирался, – бросил Миха, вытянув ноги.

– Вот. Никто не сочувствует бедному старику... на самом деле рано или поздно нечто подобное ожидает любого из нас. Сила дает многое. Здоровье. Долголетие... срок жизни мага несопоставим с таковым обыкновенного человека.

– Да, только редко кто до пятидесяти доживает, – ехидно заметила Миара, не отрывая взгляда от зелья. – В отличие от тех же людей.

– Ну, тут дело не в силе. Просто... жизнь такая. На деле же те, кто достиг определенного... статуса начинают ценить то, что имеют. В том числе и жизнь.

– Запираются в башнях и перекладывают заботы на плечи

детей или внуков.

– И правнуков, и праправнуков... – Карраго широко зевнул. – А еще принимают разного рода... зелья. Начинают с общеукрепляющих. Затем с них же, но сдобренных силой. Потом переходят к более сложным. Или вот используют... замены. Я трижды менял твоему отцу сердце, не говоря уже о почках или печени. Кишечник еще страдает, уж не знаю, отчего. Главное, что со временем и этого становится недостаточно. Уколы из вытяжки спинного мозга...

Миху замутило.

– ...новорожденных. Пуповинная кровь. И многое иное.

– Меня сейчас вырвет, – Миха сделал глубокий вдох.

– Никому не дано жить вечно, – спокойно ответил Карраго. – Но многим очень бы хотелось.

– Вы...

– Тоже использовал, – он все-таки сел. – Даже не столько из желания продлить жизнь, хотя да... и это в том числе. Главное, что это ведь увлекательнейшая задача. Старение. Почему стареют? Люди? Маги? Как замедлить этот процесс?

– Стволовые клетки, – Миха зачерпнул горсть земли и сжал в руках.

– При чем тут дерево? – удивилась Миара.

– Какое дерево?

– Ствол, – Карраго обнял себя за колени. – Ствол какого дерева нужен?

– Не ствол, – Миха подумал было, что зря он затеял этот

разговор. С них же станется поэкспериментировать. Правда, судя по всему, они уже во всю экспериментируют, пусть и без теоретической базы. – В организме человека... и не только человека есть клетки.

– Это я знаю.

– Клетки делятся и организм растет. Или вот заживляет раны. Сращивает кости. Затягивает порезы. Клетки в том числе и обновляются.

Он ненадолго задумался. Как им объяснить концепцию репликации ДНК и роли в ней теломер? Укорочение их? Тем паче, что сам Миха в этой теме плавает.

– Но каждая клетка может делиться определенное количество раз.

– И когда этот запас иссякает, то клетка гибнет? Чем больше таких клеток, тем слабее организм? И старее? – Карраго задумался. – Любопытная мысль. А ствол при чем?

– Стволовые клетки – это те, из которых может получиться любая по сути клетка. Кожи там. Или печени. Или еще чего-нибудь. У новорожденных этих клеток много. И в пуповинной крови...

– В вашем мире тоже делали лекарства из младенцев.

– Мире? – Миара напряглась.

– Потом объясню, – отмахнулся Миха. – И нет. Это... незаконно. И опыты над новорожденными. Над эмбрионами... можно вот кровь собирать там. Послед. Плаценту в смысле. Из нее вроде бы делают что-то. Омолаживающие

крема и все такое. Но не уверен, что это на самом деле, а не страшные сказки. А такие клетки есть и в растениях, вот их точно используют в косметологии.

– Любопытно, – Карраго с трудом, но поднялся. – Главное не в этом. Проблема в том, что дряхлеет тело. С этим можно свыкнуться. Проблема в том, что с определенного момента сила мага начинает как бы... гулять. Она то прибывает, причем порой весьма резко, в итоге может даже случиться неконтролируемый выброс. Или наоборот уходит. И чем старше маг, чем ближе он к краю, тем резче эти перемены. И чаще. Само собой, о подобном вслух не говорят.

– Значит, ты... – Миара подобралась поближе. Глаза её прищурились, и выражение лица сделалось донельзя задумчивым. – Это... это многое объясняет! Сволочь!

– Кто, я?

– А кто?! Двоедушник... ты гребаный двоедушник!

– А у тебя сейчас истерика случится, – огрызнулся Миха.

– Обойдетесь, – Миара резко выпрямилась и отступила к котлу.

– На самом деле редко кто доживает до момента, когда приливы начинают приносить ощутимые неудобства. Даже в собственной башне нельзя достичь того уровня уединённости, который защитит тебя... от чужого пристального внимания.

– Перевожу на нормальный человеческий язык, – буркнула Миара. – Как только маг слабеет, находится кто-то, кто

эту слабость использует. И ускоряет процесс...

– Пожалуй, что так, – Карраго сцепил пальцы и те хрустнули. – Мой старший внук оказался весьма наблюдательным юношей. Но выводы сделал неверные.

– И теперь у него наверняка другой внук старший.

Миара сняла котелок с огня.

– Значит, – уточнил Миха, – там, в замке, ты убил их...

– Не я. Сила. Я просто щелкнул пальцами, – Карраго поднялся и заковылял к котлу. – Честно говоря, я сам был... удивлен. Все же перед отливом есть... признаки. Да и случаются подобные перепады не так и часто. Поэтому ситуация оказалась и для меня неожиданной. Полагаю, что имела место непровольная реакция силы на внешнюю угрозу. Или то, что она таковой сочла... мне стоило немалых усилий ограничить выброс размерами зала.

Откуда такое человеколюбие?

– Просто если бы позволил выплеснуться всей силе, он бы не выжил, – пояснила Миара. – Да готово... с кого начнем?

Взгляд её задержался на лежащих.

– В иных условиях я бы предложил начать с этого юноши, – Карраго указал на мальчишку-наемника. – Он последним провалился в сон. Но его состояние...

– Девка спит давно. Мальчишку он не даст. Остается мой дорогой братец, – Миара наклонилась и похлопала Винченцо по щекам. – Эй, просыпайся...

Тот не шелохнулся.

– Голову ему поддержи... Хотя...

– Лучше связать, – посоветовал Карраго. – То, что они проснутся, еще не значит, что проснутся именно они. Да и в целом...

Глава 9

Верховный

Валяние в грязи не прошло бесследно. Он все-таки заболел. И началось все с ломоты в костях, которую Верховный привычно списал на возраст, за нею, правда, появилась характерная тяжесть в груди, обернувшаяся мучительным кашлем. Следом заныло горло. А после вовсе разошлось так, что и воду-то получилось проглатывать с трудом. И главное, верное средство – козье молоко, смешанное с топленым жиром – не то, что не помогало, не приносило оно и недолгого облегчения.

И Верховный почти уже решил, что все же исчерпал свой срок. Видно не он один, если в покоях появился Владыка Копий.

– Ходят слухи, что вы при смерти, – произнес он, махнув рабам. Те поспешили выйти, здраво полагая, что лишние знания им ни к чему. – Я не верил. Теперь смотрю, что зря.

– Я...

Владыка копий выглянул за дверь.

– Мага пусть приведут! – голос его доносился глухо. Но обострившийся слух Верховного уловил и это, и лепет того, кто был послан за упомянутым магом. – И побыстрее...

Он вернулся и самолично поправил подушки. Затем приподнял Верховного и усадил.

– Так хорошо?

Владыка копий мало изменился с прошлого своего визита. Разве что кисти рук, свисавшие с пояса его, слегка потемнели. Но не завонялись.

– Не вовремя. До чего же не вовремя вы помирать вздумали. И этот ваш... куда подевался.

– Умер, – выдавил Верховный.

– Я так и думал. Жаль, он показался мне толковым малым. А теперь что?

– Что?

– Понятия не имею, что! – рывкнул Владыка копий. – Надеюсь, проклятый поможет, иначе туго будет... всем туго.

Он подвинул кресло Верховного к кровати и уселся в него. Сцепил руки под подбородком. Устался. Взгляд тяжелый, мрачный.

– Что... в городе?

– В городе-то аккурат тихо... пока тихо. Я поднял войска... на всякий случай. А то ж оно как, чуть что, чернь бузить принимается. Но слухов много. Всяких. Тревожных.

Будто они иными бывают.

Впрочем, мысли эти Верховный не стал озвучивать. А Владыка Копий не стал более говорить. Но и уходить не ушел, дождался мага.

Тот с прошлой встречи стал словно бы круглее, да и наряд сменил. И нынешние, шитые золотом одежды, гляделись на нем чуждо.

– Проклятье! – одно не изменилось – скверный характер мага и всякое в нем отсутствие страха, равно как и почтения. – Почему раньше не позвали?! Это ж надо было запустить...

Он принялся щупать, и порой его прикосновения причиняли боль, но Верховный терпел. И флакон, сунутый магом под нос, тоже выпил, и даже не удивился, ощутив, как питье растекается по телу живительным теплом. А то укутывает Верховного будто в пух.

Потянуло на сон.

– Не сопротивляйтесь, во сне организму легче восстановиться...

Верховный и не собирался.

Он ухнул в бездну сна, в которой смешались, что Мекатл с вырванным сердцем, которое он держал в руках и норовил сунуть Верховному, что Императрица, что Золотая маска, та самая...

Потом все исчезло, и осталась лишь она.

Золотые веки дрогнули, и Верховный ощутил на себе всю тяжесть божественного взгляда. Но каким-то чудом, не иначе, выдержал его.

– Меняешься, – голос раздался в голове, пробив муть сна. – Хор-р-рошо...

Этот звук разнесся, причиняя боль, но и её Верховный выдержал.

Голову вот склонил. Не из страха, ибо его не было, но

выражая почтение. И уважение. Врагов тоже стоит уважать, особенно если они – боги.

– Я не враг вам, – она тоже изменилась, эта маска. – Признаю... я слишком долго был в забвении, вот и слегка перестарался. Но я не враг вам.

– Друг?

– Тот, кто может защитить. Ведь время близится, человек... время близится.

Эхо его голоса еще звучало в ушах, когда Верховный очнулся.

Темно.

И свечи почти догорели, но раб, сидящий у подставки с ними, не спит. Взгляд его тревожный направлен на эти самые свечи, а руки сжимают связку новых.

Ночь?

Утро?

Здесь всегда сложно понять, ибо Храм живет собственной жизнью.

Ночь.

Верховный прислушался и по звукам, что доносились из-за двери, точнее их отсутствию, заключил, что таки ночь. В то же мгновение раздался оглушительный храп, заставивший раба сжаться.

– Ты, – тихо окликнул его Верховный. – Поддай воды.

Шепот не вызывал привычной саднящей боли в горле. Стало быть, маг помог.

Раб встал на четвереньки. И едва не сломал свечи. Тут же вздрогнул, затрясся всем телом. Из новых, что ли? Те, кто при храме давно, знают, что Верховный не имеет обыкновения гневаться за такую ерунду.

– Поставь свечи. И подай воды. Помоги мне сесть...

Оправиться.

Тело слабо, а слабое и больное – слабее прочих. И ныне Верховный едва не сделал того, чего не делал с лет юных. Впрочем, до нужника его практически дотащили. И раб помог устроиться, и бережно держал, а потом, не дожидаясь приказа, перенес Верховного к умывальне. И там, устроив на скамеечке, смыл мягкой губкой пот с кожи.

А затем обернул полотенце.

– Как тебя зовут?

– Акти, господин, – шепотом ответил раб, глядя под ноги.

– Скажешь, что я желаю видеть тебя при себе, – Верховный попытался было подняться, но пусть даже боль ушла, причем и та, которая в горле, сил у него не прибавилось. – Кто тут...

– Господин Владыка копий, – шепотом ответил Акти. – Велел разбудить, если вы... когда вы очнетесь. Сразу. Он... будет зол.

И снова согнулся.

– Ничего, мальчик. Иди... нет, сперва посади меня... в постель посади.

– Лучше в кресло. Я добавлю подушек. Будет хорошо.

Удобно. Простите, но простыни мокрые... вы потели. Сильно.

– Хорошо, – не стал спорить Верховный. – Посади в кресло. Разбуди его. И пусть пошлют кого на кухню. Я... кажется, хочу есть.

Прислушавшись к себе, Верховный понял, что действительно голоден. Стало быть, тело его не рассыпалось на части, но протянет еще немного.

Сколько?

Не важно.

Акти исполнил все в точности, разве что набросил на колени меховое одеяло, а под спину и бока напихал подушек. И хорошо, теперь Верховный мог сидеть, не опасаясь завалиться на бок.

А вот Владыка Копий был недоволен.

– Что за... я велел...

– Не ругай юношу, – мягко попросил Верховный. – Он желал исполнить, но я запретил. Сам понимаешь, после долгого сна... хочется не бесед.

И руками развел.

– А ты иди. Пусть принесут еды...

– Тоже верно, – Владыка Копий широко зевнул. – Я уж думал, что все. Маг сказал, что ты будешь спать и долго, но не думал, признаться, что настолько долго.

– И ты решил охранять мой сон.

– Я решил... не знаю, что я решил! – голос Владыки Ко-

пий гремел горною рекой. – Одно дело войска... битва... там все понятно. Просто. А тут... все в смятении. Небеса больше не тряслись, но и того, что было, довольно... ты людям не показываешься.

– Завтра... – Верховный подумал и поправился. – Послезавтра. Я выйду к людям послезавтра. В главный храм. И желательно, чтобы не только я.

Владыка копий кивнул, и на лице его мелькнуло удовлетворение.

– Это будет хорошо. Но твое здоровье...

– Мне много лучше, – Верховный откинулся на подушки. – Благодарю за заботу.

– Мне было бы проще, если бы ты сам о себе заботился.

Упрек был сделан по праву.

– Порой я... увлекаюсь, – признался Верховный. – Но разговор будет не о том?

И вовсе не из-за беспокойства о здоровье Верховного он сидел тут... сколько? Долго. Наверняка, очень долго.

– Мекатл... ушел к богам, – осторожно начал Владыка Копий, глядя куда-то в сторону.

Тело так и осталось там, на вершине пирамиды, ибо Верховный был слишком слаб, чтобы его спустить, а про дитя и говорить нечего. Звать же кого-то иного туда, внутрь, показалось неправильным.

– И вам нужен тот, кто его заменит.

– Нам, – поправился Владыка Копий. – Нам нужен. Тот,

кто будет выходить к людям и говорить правильные слова. После проклятой ночи только и слышно о гибели мира. И все вокруг вдруг вспомнили о богах. Храмы не вмещают всех, кто желает поклониться... люди несут дары.

В надежде, что их хватит, чтобы вымолить... прощение? Скорее уж жизнь. Еще немного жизни. Но не Верховному их судить.

– И в этот момент именно вы, ваше слово, и вправду имеет значение, – он снова вспомнил о вежливом обращении и даже голову чуть склонил. – А потому нельзя допустить, чтобы ваша болезнь все разрушила.

– Или смерть.

– Или смерть, – все же Владыка Копий отличался воинской прямолинейностью. – Уже сейчас ползут слухи, что вы вот-вот уйдете к богам, а значит, Храм осиротеет, и что это знак. Правда, по-всякому его толкуют, но если вы и вправду умрете, то знак будет истолкован весьма однозначно.

И он прав.

Вот только... как пояснить, что Верховный не собирается умирать. Отнюдь. Он хочет жить и сейчас, пожалуй, более, чем когда бы то ни было.

– У вас есть имя, верно? – он погасил раздражение, вспыхнувшее было в душе.

– Даже три. Я все же оставляю вам право выбора.

Пока.

Пока еще Верховный способен сидеть и говорить.

– Вы ведь разумный человек, – Владыка Копий тронул ви-
сящую на поясе кисть. За прошедшее время она скукожилась
и потемнела, но ногти её блестели золотом. – Вы понимаете,
что... не время для интриг.

Но он все одно их плетет. Неумело. Кривовато. Ибо и
вправду скорее воин, нежели царедворец.

– Что если вдруг... я не могу позволить Храму отколоть-
ся.

– Заговорщики...

– Мертвы. Те, о ком мы знаем. Но сколько есть тех, о ком
мы не знаем? И кто-то же пустил слух, что беды происходят
оттого, что трон заняла эта девочка.

Верховный чуть подался вперед.

– Кто...

– Сам бы хотел знать, – Владыка Копий покачал головой. –
Уже говорят, что она – не настоящая Императрица. И что
все, ею сотворенные, чудеса – на самом деле не чудеса. И что
сила её идет от мага, даром, что тот рядом постоянно кру-
тится... и это лишь начало. И тут важно ваше слово, чтобы
удержать равновесие.

– Или того, кто будет после меня?

– Именно.

– Хорошо, – Верховный думал недолго, и вынужден был
признать, что Владыка Копий прав. Сам бы он на его месте,
пожалуй, и раньше потребовал бы передать власть тому, кто
более здоров.

Надежен.

Верен.

И нашел бы способ уговорить. А тот... сидит вот, увещевает, хотя мог бы иначе... ту же подушку на лицо, а после вырезать всех, кто лишний и не согласен с переменами. Хорошо, как это случалось не раз. У него есть войска, а храм... храм давно уже не так силен, как было в старые времена.

И хочется думать, что все – исключительно из глубокого уважения к Верховному.

Но...

Нет.

– Имена. И пусть все трое будут готовы... служить... при храме. Каждый из них должен подняться на вершину пирамиды. Вот завтра пусть первый и идет... я посмотрю, как они справляются.

Ответ, похоже, удовлетворил Владыку Копий.

И имена были названы.

Что ж, ничего нового. Всех троих Верховный знал... не сказать, чтобы близко.

Из хороших родов.

Сильные. Молодые, но не настолько, чтобы это выглядело вызывающе. Здоровые. Наверняка, с амбициями. И желанием подняться выше. А еще готовые слушать того, кто поможет желанию исполниться. Но трое... на два больше, чем следовало бы.

– И тот мальчик... это твой раб?

– Он ходил за моим дедом, – не стал отнекиваться Владыка Копий. – Толковый. И дед его любил. Понравился?

Плохо.

Или...

– Сколько ты за него хочешь?

Владыка Копий махнул рукой.

– Забирай. Считаю, подарок... все одно он ни на что иное не годится. Трусоват и бестолков.

– Благодарю...

– Стало быть, послезавтра... хорошо. И она тоже будет. Мне кажется, ей надо показаться людям. И хорошо бы сотворить какое-нибудь чудо.

Цена все-таки была озвучена.

– Я... попытаюсь её уговорить, – Верховный с трудом сдержал улыбку. – Это и вправду будет... весьма вовремя... символично. Народ любит символы.

– А еще любит, когда небеса ночью темнеют, днем светлеют и не трясутся, – проворчал Владыка Копий. – Впрочем, разберетесь сам там... и имя... назовешь имя.

Назовет.

Всенепременно. Вот три и назовет... была, помнится, в давние времена подобная практика. Помощники... да... помощники Верховному будут нужны. Определенно. И дела храма пусть возьмут на себя, это нужно... а Верховный займется иными.

Ему нужны ответы.

В комнату бочком вошел новый раб с подносом, который он осторожно поставил на стол. Двигался он тихо, явно стараясь обойти Владыку копий стороной. Тот лишь хмыкнул, махнул рукой и удалился, сочтя свое дело сделанным.

– Господин, – раб заговорил, когда дверь притворилась. – Маг справлялся о вашем здоровье. Просил сообщить, когда вы... очнетесь. Но Владыка...

– Я теперь твой хозяин, – Верховный вдохнул ароматный пар. – И пошли кого за магом. А еще... ты умеешь писать? Читать?

– Немного, господин. Меня... учили, но я давно уже...

– Ничего, – Владыка поднял было ложку, но пальцы оказались неприятно-негнушимися и не удержали её. Впрочем, раб не позволил ложке выпасть, подхватил, вложил в руку Верховного и сжал его пальцы. Потом этой же ложкой, и рукой, зачерпнул варево, помог поднести ко рту.

Хороший подарок.

Весьма.

Верховный сделал глоток и прикрыл глаза. Бульон был сытным, и это радовало. А остальное... как-нибудь справится. Более того, сейчас он даже знал, где искать ответы. И удивляло, что как это он прежде не подумал о столь очевидной вещи, как храмовое хранилище.

В конце концов, где еще могут храниться знания о богах? Или о тех, кто подобен богам?

– Отвар, – к губам поднесли кубок. – Когда тело слабо,

оно может отвергать пищу чересчур жирную. Здесь семена укропа и корни петрушки, и иные травы. Они помогают работать кишкам...

И Верховный сделал глоток.

Определенно, отличный подарок... кони, девственницы, сокола... в его возрасте один толковый раб стоит сотни прекрасных девственниц. У отвара был горьковатый вкус, но Верховному и он понравился. Тем паче желудку и вправду стало легче.

Глава 10

Винченцо

Звук он слышал именно тогда, когда почти отчаялся.

Заснуть не выходило.

Усилия воли, которыми он пытался нащупать выход к собственному телу, тоже ничего не давали. Только окрестный мир поблек, задрожал. А он, Винченцо, оказался на его изнанке.

И это пугало, пожалуй.

Он заставлял себя отгонять страх и пытаться снова, но добивался лишь того, что картинка норовила рассыпаться, причем отчего-то мелкими квадратиками. То тут, то там квадратиков становилось больше, потом они выравнивались, правда. И возникали в другом месте. Иногда они изначально становились черны, и в картинке появлялась дыра. Винченцо попробовал заглянуть в такую, когда она возникла рядом, но не сумел и приблизиться.

А потом раздался этот мерзкий вибрирующий звук.

Он заставил картинку пойти мелкой рябью, а потом и во все рассыпаться. И сложиться в другую.

Знакомую.

Берег.

Кусты.

Круг. Винченцо сам его чертил. Карраго, который держит

Миару под руку, что-то ей втолковывая. А она слушает, причем внимательно.

Дикарь сидит на корточках.

Винченцо... смотреть на себя было неприятно. Какой же он все-таки... истошал. Щетина торчит. И сам выглядит так, что на рынке рабов за него и медяшки бы не дали. Почему-то стало обидно.

Он задавил обиду.

И шагнул.

Попытался.

Круг, стоило признать, он выстроил отменный.

– Не получается? – спросили у него. И звук стих.

Винченцо повернулся. Так и есть, мешекская девчонка. Стоит на границе, сжимает в руках огромный рог. Вот она поднесла его к губам и дунула.

– Прекрати, – Винченцо зажал уши руками. – Что за...

– Я его нашла.

– Рад за тебя.

– Теперь зову.

– Кого?

– Тебя вот. Их тоже. Все потерялись, – она снова подняла рог. – Сил не хватает. Ты подуй... услышат и придут.

– Где мы?

– Ты что, совсем глупый? В мире духов, конечно, – она склонила голову на бок. – Ты уже там был.

– Я болел.

И все это ерунда. Духи, призраки... или нет? Наверняка имеется иное, более научное объяснение, но в голову оно не приходило.

– На, – ему сунули в руки рог. И стоило признать, что тот был весьма увесистым. А еще донельзя реальным. Хотя, конечно, там, где они находились понятие реальности было условным.

– Дуй уже, – девчонка топнула ногой. – Долго думаешь. Она твоя сестра. Одна кровь. Тебя услышит. Но сперва всех позови. А то ведь мало ли. Потеряются еще.

Винченцо поднял рог и, набрав воздуха, что было сил дунул в обмусоленный конец. Звук получился другим. Громче и чище.

Яснее.

И Миара там вздрогнула. Отстранилась от Карраго, чтобы обернуться. Да! Вот так!

– Играй! Играй! Она же слышит!

У нее дар. Тот, другой, не нужный, казалось бы. Но теперь, как выяснилось, даже необходимый.

И Винченцо снова дунул. И еще раз... его не учили играть на флейте или трубе, но вот с рогом получалось управиться легко. И звук вибрировал, становился то выше, то ниже. Это было даже красиво... но надо не на красоту отвлекаться. Надо сказать... сказать ей, чтобы стерла границу.

Круг, который Винченцо сам нарисовал.

Круг!

Ну же...

Взгляд Миары плыл. Вот она дернула головой. Вот поднесла руку к уху, словно пытаюсь расслушать что-то. Вот затрясла головой. Упрямо поджала губы.

В груди Винченцо закололо.

А тело его на земле дернулось.

– Осторожно, – детские пальчики вцепились в рукав и дернули. – Там я тебе не помогу. Я ведь тоже тут.

Миара все еще стояла.

Вот, словно в полусне, шагнула к границе.

– А я говорил, ревет чего-то! – воздух треснул и пошел черной рябью, а когда та исчезла, на границе появились двое мальчишек. – А ты не верил! О! И маг тут! Ица!

– Я тебя звала, – сказала девочка, не скрывая раздражения. – А ты не слышал.

Винченцо походя отметил, что говорить она стала много лучше. Правильней.

– Извини. Но я тебя не бросил!

– Хорошо, – она чуть склонила голову.

– Это Мирк, – барон толкнул своего знакомца в бок. – Он тоже попал.

– Я громко звала. А тут мир... нехороший. Раз и все.

– Ага. Я сперва и не понял, чего. А потом тоже не понял, но понял, что надо выбираться, – Джер подошел к границе круга. – Не пускает, да? Выходит, мы теперь тут духи, да? Привидения?

– Привидения – просто остаточная энергия, – заметил Винченцо. – Большой частью неструктурированная и не способная на мыслительную деятельность. И на какую-либо иную тоже. Некоторые ученые вообще отрицают возможность их существования.

– А если мы там помрем, то тут тоже? Или останемся? – кажется, его лекция прошла мимо барона. – Будем скитаться вечность...

– Я не хочу скитаться вечность... – пробормотал Мирк, но как-то неуверенно.

– Никто не хочет. Но кому-то надо.

– Никто не будет скитаться. Если мы умрем там, то... вероятно, умрем и здесь, – Винченцо не был уверен в этом, да и звучало не слишком оптимистично, но куда лучше перспективы скитаться вечность. – Ну или, если верите, то души отправятся на суд богов, к предкам... еще куда-нибудь.

– А можно просто пожить?

– Не знаю, – Винченцо посмотрел на рог в руке. – Я с таким прежде не сталкивался. Полагаю, нам необходимо вернуться в собственные тела. Однако граница, призванная защитить нас от внешней угрозы, в данном случае выступает препятствием. Но любое препятствие... почти любое препятствие можно преодолеть. Нужно лишь хорошо подумать.

– Вы говорите сейчас, как мой отец, – у Мирка дернулся глаз. – Он, наверное, очень зол...

Вздых.

– Да ладно, – отмахнулся барон. – Мой тоже вечно бухтел... и мной был недоволен.

– И что?

– И ничего. Помер. А я бароном стал. Но лучше бы и дальше жил и бухтел, – мальчишка махнул рукой. – Не-бароном как-то оно веселее... можно и погулять, и выпить, и придумать чего веселого. А тут то замок захватить пытаются, то мир гибнет. Одна сплошная жопа.

Сказано это было искренне.

– Еще и мама умерла...

– Моя тоже.

Дети.

Винченцо посмотрел вверх, но там ничего, кроме серой зыби, притворявшейся небом. Неужели и он в их возрасте... нет, в их возрасте он уже точно знал, что нужно делать, чтобы выжить. И выживал.

Из шкуры вон лез.

Закрепиться.

Стать сильнее.

Доказать свою полезность. И учиться. Ибо только знания и могут вывести... куда? Знаний у него побольше, вот только сейчас он где-то вне тела, в компании разновозрастных детишек, которые, кажется, совершенно не осознают серьезности ситуации. И главное, все-то на него смотрят, ожидая, когда же Винченцо сделает что-то. Или вот план предложит.

Гениальный.

Ну или на худой конец такой, который точно работает.
Плана не было.

Хотя...

Там, снаружи, при нехватке сил, Винченцо попросил бы поделиться сестру. Если бы и её не оказалось рядом, то силу можно взять и у обычных людей. Что ему и случилось делать. Правда, люди умирали в процессе, но тогда это Винченцо волновало мало, точнее волновало, но главным образом потому, что если умирали они слишком уж быстро, силы получалось мало... но если взять немного?

И не выпивать до дна.

Мальчишки молоды. И выглядят крепкими.

Но...

– Надо преодолеть границу, – Винченцо поморщился. Вот он сам не любил говорить очевидные вещи. – Миара, как мне кажется, способна услышать меня. Есть у нее дар, но слабый... а мне не хватает сил.

– И ты хочешь, чтобы мы дали силы?

Мальчишка соображал быстро.

– Именно. Но это не безопасно, – Винченцо поморщился. А если откажутся? Можно было бы соврать. Или даже не лгать, а сказать, что возьмет он немного, каплю, которой не хватает, а потому все закончится хорошо. Но под взглядом черных глаз мешекской девчонки врать не получалось. И не хотелось. А потому Винченцо продолжил. – Я не знаю свойств этого мира, как и то, сколько сил понадобится. Мо-

жет статья, что...

– Мы умрем.

– Да, – сказал Винченцо.

– Но если мы останемся тут, то тоже умрем, – барон подошел к границе круга и попытался пнуть её ногой.

Пространство вокруг задрожало, выплюнув пару черных квадратов.

– Осторожно, – Винченцо перехватил его за руку. – А если тебя выкинет куда-нибудь... куда-нибудь туда?

Он махнул на серую муть, в которой, если присмотреться, угадывались смутные очертания деревьев.

– Не факт, что ты снова сможешь вернуться.

– Ну да... наверное. Я не подумал.

– Стоит попробовать, – сказал наемник. – Так отец постоянно повторял. Я еще обижался, что он так... будто издевается. А выходит, что и нет. Правда... мне туда не сильно и хочется.

– Почему?

– Здесь не больно.

– В этом и опасность, – заметил Винченцо.

Миара тем временем подошла к границе и встала напротив его. Она смотрела, чуть прищурившись, и но вот закрыла глаза, подняла руки, будто пытаюсь нащупать что-то в воздухе.

– Боль предупреждает об опасности. Есть люди, которые не способны испытывать боль. Я читал. Они долго не живут.

Они не понимают, когда в их теле что-то ломается.

– В моем поломано все.

– Сам дурак, – Винченцо попытался дотянуться до руки сестры. Быть может, если медленно действовать, то границу получится преодолеть и так?

Но нет.

Он ощутил упругость воздуха, и тот снова потемнел, правда, вместо черных квадратиков создал сизую стену, которая слегка прогибалась, но не пускала.

Хорошая защита.

Можно собой гордиться.

– Кто мочится на открытые раны? Тебя отец не учил?

– Ну... отец говорил что-то... но болело знаешь как? А Толстяк сказал, что если поссать на ожог, он быстрее сойдет!

– Точно дурак, – пробурчал Джер. – Даже я знаю... у нас один... знакомец мой. Мы тогда слегка... того... погуляли... и он ножичком игрался. И себя полоснул по руке. Ржать стали. А кто-то сказал, что если девка того... ну...

– Помочится?

– Вот. То и заживет наутро. Мы и... а рана гнить начала. И руку отрезать пришлось. Только он все одно помер, даже маг не помог.

Поучительная история.

Пальцы застыли напротив пальцев.

Ну же, Миара... ты всегда была умной. Умнее многих. Опаснее. Осторожнее. Но и умнее. И дар... ты можешь го-

ворить с духами. А Винченцо сейчас что-то вроде духа... и надо, надо, чтобы услышала! Сними границу! Или хотя бы...

Он поднес к губам трубу и тихонько дунул. Миара вздрогнула.

– Руку, – Винченцо сумел перехватить трубу правой. Тяжеловато, но потерпит. Хотя тоже, почему в мире духов, который априори бесплотен, он ощущает вес? И так явно?

В ладонь вцепились тонкие пальчики.

– Бери, маг.

– Дай я! – Джер попытался оттеснить девчонку. – Я причина, если рисковать, то мне...

Она подумала и, верно, сочла аргумент стоящим, уступив место.

– Все, – Винченцо поднес трубу к рукам. – Становитесь... в круге сила возрастает, а нагрузка на каждого из круга уменьшается. Так будет больше шансов. И достучаться. И выжить.

Спорить никто не стал.

Правда, в нормальном круге стоит дюжина. Или две, но это уже редко. И не детей, а сильных крепких мужчин или женщин, тут уж как кому привычнее. И привязывают их крепко. И...

Не стоит.

Это было. И за это с Винченцо спросится, если все и вправду так, как есть. А он ответит. Но потом. Сейчас же...

– Расслабьтесь. Это не больно, хотя довольно опасно...

для вас. Если ощутите, что силы заканчиваются, то разрывайте круг, отступайте...

Если успеете.

Но этого Винченцо не сказал.

Он сделал глубокий вдох и позволил силе выплеснуться.

Она пробежала по кругу, и мальчишка вздрогнул.

– Первый этап. Я делюсь собственной силой.

Винченцо старался, чтобы голос его звучал спокойно и уверенно.

– Она выступает объединяющим фактором, а заодно создает первичное русло, по которому и будет циркулировать энергия. Это как с водой. Ручьи текут и наполняют водами малые реки, а малые реки питают большие.

– Ты, стало быть, река...

– Вроде того. Чем спокойнее вы будете, тем легче все пройдет...

Рабы умирали безболезненно. Они просто засыпали. И страх их уходил после первой же волны. Если бы не этот иррациональный страх, их бы и привязывать было не нужно. Но...

Нет.

Не о том.

Винченцо никого не собирается убивать.

– Правильно, – сказала ему девочка, чье лицо вдруг исказилось, будто кто-то взял и ненадолго выглянул из-под маски. – Нехорошо убивать вот так, обманом.

Винченцо кивнул и поднял-таки рог, который, кажется, стал еще тяжелее. Он стиснул пальцы, добела, до немоты, и сделал глубокий вдох, выдохнул силу. Рог отозвался низким вибрирующим звуком. Тот прошел сквозь тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.